Культ

Автор:
Эбби Дэвис

Культ

Эбби Дэвис

Триллер-головоломка

Тридцать лет назад загадочный Дядюшка Спаситель создал собственную общину, место, где должны были царствовать любовь, мир и гармония. Но то, что должно было стать раем, обернулось настоящим адом.

В наши дни двое детей исчезают из собственного дома при загадочных обстоятельствах. Их родители не находят себе места, полиция не может найти следов…

Инспектор уголовной полиции Оттолайн ведет расследование и ее единственная улика – маска, найденная в лесу. Может ли так случиться, что все берет свое начало десятилетия назад? Там, где мечты о прекрасной жизни обернулись трагедией.

Эбби Дэвис

Культ

© Abby Davies, 2021

© Максимова М.В., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Фонтан крови

Струится кровь моя порою, как в фонтане,
Полна созвучьями ритмических рыданий,
Она медлительно течет, журча, пока
Повсюду ищет ран тревожная рука.

Струясь вдоль города, как в замкнутой поляне,
Средь улиц островов обозначая грани,
Поит всех жаждущих кровавая река
И обагряет мир, безбрежно широка.

Я заклинал вино – своей струей обманной
Душе грозящий страх хоть на день усыпить;
Но слух утончился, взор обострился странно:

Я умолял Любовь забвение пролить;
И вот, как ложем игл, истерзан дух любовью,
Сестер безжалостных поя своею кровью.

Шарль Бодлер

(пер. Л. Кобылинского)

Часть первая

Глава 1

Любовь

6 лет

сентябрь 1987 года

Тишину разрушили крики из амбара. Солнце, словно испугавшись, скрылось, и на ферму туманом навалилась мутная серость. Даже вечно ненасытные куры бросились наутек.

Любовь поставила ведро с зерном на землю и следом за мамой и сестрой подошла к амбару.

Смирение обхватила себя руками. Зеленое платье и грязно-коричневые башмаки совсем ее не красили. Мама обняла Смирение одной рукой и притянула к себе. Любовь смотрела на них краем глаза и слушала громкий сердитый голос. Папа. Злится. Снова.

Мамино лицо исказила недовольная гримаса.

– Любовь, оставайся здесь.

Любовь не послушалась и шмыгнула в амбар.

Папины щеки покраснели, как помидоры. Дрожа от ярости, он тыкал пальцем в дядю.

– Ты неадекватный.

Дядюшка Спаситель снисходительно улыбнулся папе. Он был намного выше. И шире. Как бык, возвышающийся над теленком.

Как всегда, дядя говорил спокойно и вежливо.

– Если тебе тут не нравится, Дэвид, уходи. Тебя никто не держит. Кроме того, ты, наверное, прав. Ты гордый человек. Тебе претит жить за чужой счет. Я только прошу дать Милости решать самой. Позволь ей остаться, если она хочет.

Папа рассмеялся лающим смехом.

– Еще раз назовешь ее так, и я…

Дядюшка Спаситель развел руки и улыбнулся. Он сделал шаг к папе, сокращая расстояние между ними.

– И ты что? Ударишь меня? Что ж, хорошо. Если тебе это нужно, чтобы выплеснуть пагубную ярость, вперед. Ударь меня. Все, чего я хочу, чтобы все жили здесь в мире и гармонии, но, если насилие помогает тебе справляться с гневом, пожалуйста, сделай это.

Любовь смотрела во все глаза, ей не терпелось увидеть, что станет делать папа.

Он покачал головой и пнул солому. Развернулся, словно собираясь уйти, но потом бросился к Дядюшке Спасителю и впечатал кулак ему в лицо. Дядя качнулся назад и упал на спину. Мама с криком рванулась вперед, оттолкнув Любовь в сторону. Папа оседлал Дядюшку Спасителя, одной рукой взял его за шею и ударил еще. На этот раз из дядиного носа брызнула кровь. Он перекатился на бок, и алая жидкость закапала на земляной пол. Мама снова закричала, когда папа ткнул дядю лицом в кровь на полу. Он что-то прошептал на ухо дяде, потом встал, отряхнулся и зашагал к двери, но мама схватила его за рубашку.

Любовь смотрела на них, сердце ее учащенно билось.

Папа резко развернулся. По его щекам текли слезы. Он побледнел и запачкался, тело била дрожь. Он быстро обнял Смирение и маму, потом отстранился. Любовь

смотрела на него умоляющими глазами, но он даже не взглянул в ее сторону.

Любовь моргнула. Раз, два.

– Если ты нас любишь, то останешься, – сказала мама.

Папа не отреагировал на ее слова и вышел из амбара.

Любовь забрела на пастбище и опустилась на колени во влажную от росы траву. Колени покрывали подсохшие корки. В трещинки забилась грязь, но Любовь не чувствовала боли. Прохладный воздух пробирал до костей, солнце наполовину скрылось за облаками, похожими на дохлых овец. Тело под хлопковым платьем покрылось мурашками, но она не чувствовала холода.

Дрожащими пальцами Любовь погладила лепестки мака. Цветок был красным, как кровь. Крови было много. Пол амбара пропитался ею, запах проник в нос, в горло и в живот, словно невидимая красная дымка.

Желудок заурчал. Отвернув крышку стеклянной банки, Любовь выгребла остатки темно-синего джема, слизнула его с пальцев и замерла, когда до ушей донеслось жужжание.

Любовь присмотрелась к маку. Вопросы в голове жужжали, как две пчелы, кружившие над мохнатой сердцевиной.

Жужжание становилось все громче, сильнее, настойчивее. Любовь подкралась ближе и наклонилась к цветку, разглядев два мохнатых тельца и торчащие сзади жала. Она не боялась пчел. Другие дети боялись. Мама и сестра боялись, а она нет. Жизнь пчел очень коротка. Они умирают, ужалив. Глупые.

Любовь нахмурилась и достала из носка спрятанную иголку, которую позаимствовала из маминого швейного набора.

Она нахмурилась сильнее и потерла ноющую грудину. Мама говорит, что папа с Дядюшкой Спасителем никогда не ладили, но после переезда на ферму стало еще хуже.

Они здесь уже три года, а в прошлом месяце приехала еще одна семья. Теперь на дядиной ферме живут три семьи.

Мама говорила, что Дядюшка Спаситель замечательный, что он спасает людей. Вот почему Любовь начала его так называть. Теперь все зовут его Дядюшка Спаситель. Любовь не помнила, как его звали раньше. На Рождество Дядюшка Спаситель решил, что все они достойны новых, лучших имен. Имен, которые значат что-то хорошее и чистое. Ей нравилось новое имя. До этого ее звали Зоуи, и это имя ничего не значило. Любовь – хорошее имя, потому что значит кое-что важное. Смирение раньше звали Клер, маму – Джойс, а папу – Дэвид. Папа не хотел, чтобы их звали по-новому, и ненавидел свое новое имя. В отличие от остальных, включая новую семью, он много жаловался и говорил гадости про Дядюшку Спасителя. Любовь не знала, что значит «неадекватный», но была уверена, что ничего хорошего.

Боль в груди прошла. Любовь кивнула сама себе.

Хорошо, что папа уехал. Он никогда не улыбался и говорил слишком быстро и неразборчиво. Дядюшка Спаситель всегда улыбается и разговаривает спокойно и четко. Папу никто не слушал, а Дядюшку Спасителя слушают все. Папа не давал им ничего. Дядюшка Спаситель дал им все, включая крышу над головой. Папа никогда не обнимал ее. Он обнимал маму и Смирение, но не ее. Дядюшка Спаситель обнимает ее все время. Он шепчет ей на ушко ласковые слова, когда никто не слышит. Папа никогда так не делал. Для него она была словно невидимкой. Однажды она услышала, как он говорил, что, если бы она не родилась, они были бы счастливы. Он назвал ее случайностью. Сказал, что завести второго ребенка было ошибкой. И когда он так сказал, мама не возразила.

Боль захотела вернуться, но Любовь отогнала ее.

Она подняла банку и поднесла ее к маку. Словно чувствуя что-то неладное, пчелы засуетились, их жужжание становилось все громче и громче, таким громким, что стало отдаваться у нее в голове, словно кто-то колотил кулаками.

Любовь посмотрела на иглу и подумала, что сказала бы мама. В следующую секунду она пожала плечами. На губах заиграла улыбка. Ее не интересует, что скажет мама, только что скажет Дядюшка Спаситель, а он говорит, что кровь –

это жизнь. Кроме того, ей любопытно, а если она не захочет, то никто и не узнает.

Любовь подняла голову и сердито посмотрела на коров. Они пялились в ответ своими тупыми, невыразительными глазами. Их она тоже не боится. Она ничего не боится.

В сердце зашевелилось предвкушение, словно разрубленный пополам червяк.

Солнце вырвалось из-за темного облака, и острый луч света упал на кроваво-красные лепестки. Пчелы, кажется, немного успокоились, словно решив, что она ничего не сделает. Словно она просто маленькая девочка, которая слишком боится делать что-то плохое. Но ей почти семь лет, и она видела то, чего не видели другие девочки, и она не отвернулась, не заплакала, не закричала и не сделала ничего другого. Она была спокойна, совсем как Дядюшка Спаситель.

Она наклонила банку к пчеле поменьше. Та сидела на мохнатой серединке цветка, слишком занятая сбором пыльцы, чтобы заметить стеклянную ловушку за спиной.

Любовь положила иголку на бедро и взяла крышку. Держа банку около пчелы, другой рукой она поднесла крышку к самым кровавым лепесткам цветка. Держа банку в левой руке слева от цветка, а крышку в правой справа, она пристально смотрела на пчелу, почти желая, чтобы та заметила и улетела, чтобы не была такой глупой. Но пчела не заметила и не улетела. Скорее наоборот, она еще сильнее сосредоточилась на своем деле. Безмозглая рабочая пчела, работающая на свою умную, сильную королеву.

В голове стучало сильнее, сердце билось чаще. Любовь зажала язык между зубами, задержала дыхание и – хлоп! – прижала крышку к банке, поймав пчелу внутри. Ее товарка моментально пришла в неистовство, зажужжала и заметалась во всех направлениях, но Любовь смотрела только на свою добычу.

Пчела в банке сходила с ума, жужжала так громко, что Любовь едва терпела. Она снова и снова билась о стекло, словно пыталась убить себя. Любовь зачарованно смотрела, как пчела упала в каплю джема размером с ноготь, оставшуюся около горлышка банки, и прилипла. Тонкие лапки увязли в клейком джеме, как сапоги в грязи. Пчела жужжала все громче, как и ее подруга. Любовь

наклонилась ближе, задевая стекло ресницами. Пчела стопроцентно влипла, но не сдавалась. Любови это понравилось.

Она отвернула крышку и положила на траву возле своих коленей, затем большим и указательным пальцем взяла иглу. Наклонив горлышко банки к своему лицу, она приподняла банку и поднесла иглу к попавшейся пчеле, которая изо всех сил боролась, но никак не могла освободиться из липкой ловушки. Но тем не менее ее жужжание продолжалось, все громче и громче, отчего голова Любови раскалывалась все сильнее. Пчелу заменило папино лицо, и Любовь расположила острие иглы в миллиметре от мохнатой пчелиной спинки. Ее переполняло любопытство, смешанное с непонятной потребностью. Сосредоточенно нахмурившись, Любовь всадила иглу в пчелу, удивившись тому, как легко и мягко она вошла. Игла пронзила пчелу насквозь, и та замерла, жужжание прекратилось. Одно счастливое мгновение Любовь наслаждалась ответом на свой вопрос. Она не ощущала восторга, просто радость от того, что выяснила, что же произойдет. Пчела умерла, и у нее текла кровь, но эта кровь была не красной, как человеческая. Она была цвета древесного сока.

Любовь почувствовала острую боль в руке и посмотрела на пчелу покрупнее, которая отвалилась от нее во влажную траву, мертвая.

Жало все еще торчало в руке. Вспыхнув от гнева, Любовь вытащила его. Через несколько секунд боль прошла, и гнев сменился любопытством.

Слегка улыбаясь, Любовь поднесла крошечный серебристый клинок к лицу и в изумлении уставилась на него.

Глава 2

Ханна

Наши дни

Ханна Вудс услышала скрип на лестнице. Вцепившись в простыню, она уставилась на дверь спальни. Сердце всколыхнулось, словно щербет, но

успокоилось, когда она сказала себе, что это всего лишь ее младший братишка опять ходит во сне. Других причин для таинственного скрипа нет. Нет причин бояться.

Фыркнув, она включила лампу, откинула простыню, натянула пижаму с сердечками и сунула ноги в еще потные тапочки в виде единорогов. Ей все равно не спится. Мысли метались, как трупная муха, которая никак не перестанет биться в окно.

За окном лунный свет окрасил все вокруг в цвет пожелтевших зубов, навевающий мысли о привидениях и ведьмах, хотя она больше не верила в подобное. В десять лет она слишком взрослая, чтобы верить в сказки.

Грега на лестнице не оказалось. Ханна заглянула в его спальню. Кровать была пуста, простыня свалилась на пол, как будто он торопился.

Ханна на цыпочках подкралась к родительской спальне, улыбаясь папиному храпу, и подумала, не разбудить ли их, чтобы они разобрались с Грегом. Но когда они не высыпаются, то ругаются еще больше, а ей не хотелось, чтобы они завтра ругались. Они всегда ругаются. Иногда она боится, что они разведутся, как родители Джека, и подобные мысли вызывают ощущения, как будто она тонет в супе.

Поглаживая живот, Ханна прокралась мимо родительской спальни к лестнице.

Внизу было темно. Страшно. Страх кольнул, но Ханна подумала про Грега и все, что он может устроить, если не вернуть его в кровать. Кто знает, какие безумные вещи творятся в головах людей, когда они ходят во сне. А Грег и так немного безумен. Ему всего семь лет, и он мал для своего возраста. Он может попробовать вскарабкаться на большой книжный стеллаж в гостиной и опрокинуть его на себя, как злая ведьма из «Волшебника страны Оз». Это было бы ужасно. Как бы он ни раздражал, все же она его очень любит.

Стиснув зубы, Ханна побежала вниз по ступенькам и чуть не поскользнулась.

Чтобы не упасть, она схватилась за перила, и застыла, услышав шарканье в кухне.

В темноте было видно, что дверь на кухню наполовину открыта. Внутри затаились тени, словно дементоры, готовые высосать из нее счастье. Сердце заколотилось, и Ханна заставила себя сосредоточиться на «более важных вопросах», как всегда говорит папа. Грег может пострадать. Нельзя позволить темноте победить. Она должна быть смелой, как Гермиона Грейнджер. Гермиона, с густыми волосами и суперумными идеями.

Набрав воздуха, Ханна пролетела оставшиеся ступеньки и заглянула в кухню. Ее младший брат в пижаме лягушки стоял на коленках на высоком стуле перед шкафчиком рядом с раковиной. Он даже надел свои кеды.

Он вздрогнул и оглянулся. За его спиной сквозь жалюзи пробивался лунный свет, придавая ему немного нездешний вид, так резко он выделялся на остальном фоне, словно бутафорские декорации в плохом фильме.

– Грег… что ты делаешь? – прошипела Ханна.

– Ты же не расскажешь?

– Ты опять ходишь во сне?

– Нет.

– Я тебе не верю. Иначе ты не встал бы.

– Мне все равно, – надулся он, смахивая челку с глаз.

Ханна заметила на столешнице открытый школьный рюкзак в виде божьей коровки.

– Это еще зачем? – В груди зашевелилась паника. – Ты убегаешь?

– Нет, глупая.

– Не называй меня глупой, Грег. Это грубо.

Он отвел глаза:

– Извини. Просто ты все портишь. Никто не должен был знать.

– Знать что.

– Наш секрет.

– Чей секрет?

– Я не могу тебе рассказать.

– Почему?

– Потому что она взяла с меня обещание.

– Кто взял с тебя обещание?

Грег открыл было рот, чтобы ответить, но потом покачал головой:

– Нет. Ты меня не проведешь.

Ханна сдержала раздражение и понизила голос:

– Ладно, если не хочешь говорить, хотя бы скажи, что за секрет.

Грег притворился, что обдумывает ее требование.

– Ладно! Обещай, что не расскажешь.

– Обещаю. Провалиться мне на этом месте.

Брат захихикал и прикрыл рот ладошкой.

– Сегодня я увижу фею!

Ханна закатила глаза:

– Фей не бывает.

– Бывает, – нахмурился Грег.

– Нет, не бывает. Давай возвращайся в кровать, и я ничего не скажу маме с папой.

Он застегнул рюкзак:

– Ни за что. Я обещал. Я должен идти.

– Куда?

– Это секрет.

– Но ты не можешь выйти на улицу ночью один.

– Почему?

– Ну как. Это опасно. Ты можешь споткнуться и сломать щиколотку, и никто не найдет тебя много недель, и ты умрешь от голода. – Ханна помедлила, потом добавила: – И насекомые заберутся через нос тебе в мозг и отложат яйца, потом яйца вылупятся и твой мозг взорвется.

Грег округлил глаза, но покачал головой:

– Я не споткнусь. Я буду очень аккуратным. И я совсем ненадолго. Тут недалеко.

Ханна пожевала волосы и попыталась придумать еще причину, чтобы он не уходил.

– Тебя может забрать чужой человек и запереть в подземелье. Такое случается в реальной жизни, знаешь.

– Нет, не случается. Ты просто пытаешься меня напугать, – сказал Грег, аккуратно опуская рюкзак на пол.

– Как знаешь, – пожала плечами Ханна. – Не верь мне, если не хочешь, но ты не можешь пойти. Если уйдешь, я побегу прямиком наверх и расскажу маме с папой, и они так разозлятся, что запретят тебе играть в приставку на целую неделю.

Грег разинул рот.

– Ты не станешь! Ты же не ябеда. И вообще, если нажалуешься, я расскажу, что ты целовалась с Джеком.

Она ахнула.

– Как ты узнал?

– Я вас видел, – усмехнулся Грег.

Сердце Ханны заколотилось. У нее определенно будут проблемы из-за поцелуя с Джеком. Мама с папой такого не одобряют. Не хотят, чтобы она выросла слишком быстро. Что бы это ни значило. К тому же маме не нравится мама Джека. Они недавно поругались, забирая детей из школы, и когда миссис Пикеринг уходила, мама показала ей средний палец.

– Хорошо. Но я иду с тобой, – сказала Ханна, скрестив руки на груди, чтобы показать, что она серьезно.

– Я не хочу.

– Обломись. Я иду.

– Нет.

– Да.

– Нет-нет-нет.

– Да-да-да.

Ханна схватила рюкзак, но Грег держал крепко, и они начали перетягивать его туда-сюда.

– Хватит, Ханна, перестань! Ты их разбудишь.

– Я перестану, – она вырвала рюкзак у него из рук и подняла над головой, – когда ты разрешишь мне пойти с тобой.

Грег поднял глаза на рюкзак и сердито зыркнул на нее, откинул челку. Ханна видела, как крутятся шестеренки в его маленьком мозгу. Через несколько секунд он кивнул.

– Хорошо, – сказала она, испытывая чувство вины, но и облегчения.

Грег протянул руку, и она отдала ему рюкзак.

– И что у тебя там?

Он постучал пальцем по своему носу.

Ее младший брат широко улыбнулся и закинул рюкзак на плечо. Радуясь, что он снова в хорошем настроении, Ханна улыбнулась, но у нее засосало под ложечкой. То, что они делают, плохо, но в это время ночи все спят, и, если они доберутся туда, где по представлениям Грега живет фея, и быстренько вернутся домой, мама с папой никогда не узнают, что они выходили из дома.

Грег поднялся на цыпочки и снял ключ с крючка возле входной двери. Ханна посмотрела на свои тапочки-единорожки. Они всего на несколько минут, и на улице сухо. Женщина из прогноза погоды сказала, что аномальная жара продлится несколько недель.

Она оглянулась на темную лестницу. Мама с папой так много ссорятся, что перестали интересоваться ею. Даже когда она показала маме похвалу от

директора за рисунок отравленного яблока, мама выглядела равнодушной. За Грегом еще присматривают, потому что он ребенок, но она большую часть времени вынуждена заботиться о себе сама. Это нечестно. И папа всегда слишком занят утилизацией старой мебели, чтобы обращать на нее внимание.

Чувство вины сменилось приятной дрожью предвкушения. Они с Грегом поступают плохо, но мама с папой никогда не узнают.

Грег отпер входную дверь. Ханна бросила последний взгляд на лестницу и вышла следом за ним в теплую и влажную ночь.

Глава 3

Лили

Наши дни

Лили Вудс услышала хлопок входной двери и села в кровати. Сердце трепыхалось, словно птенец. Она положила ладонь на грудь и, взглянув на часы, с удивлением отметила, что еще только два часа ночи. Рядом похрапывал Джон, простыня сбилась у него в ногах. Он даже не дернулся, что не удивительно. Его и ядерным взрывом не разбудишь.

Она посмотрела на умиротворенное лицо мужа и нахмурилась. Вчера вечером они опять поругались, и начала она. Ее мучала совесть, но она все равно считала, что права. Он стал совсем непохож на себя. Уже некоторое время не был нормальным.

Лили прикусила обкусанную кутикулу на большом пальце. Тупая боль снова пришла, распространяясь в груди, словно болезнь. А ведь они были так счастливы. Поддразнивали друг друга, обнимались на диване, обсуждали прошедший день, но теперь, кажется, только и делают, что задевают друг друга по пустякам и ссорятся. И дети, должно быть, это чувствуют. Особенно Ханна. Лили только надеялась, что дети не слышали их вчера вечером. Они старались говорить тихо, но злость никуда не делась.

Покачав головой, она встала с кровати и накинула шелковый халат. Ночь была невыносимо жаркой. Душной. Лили решила, что хлопок двери ей показался. Джон всегда запирает ее на ночь, так что она никак не могла хлопнуть, если только к ним никто не залез.

Она остановилась в дверях спальни и оглянулась на мужа, раздумывая, стоит ли его будить. Если разбудит, он, пожалуй, начнет жаловаться и они снова поссорятся. Кроме того, она не из тех, кто перекладывает подобное на партнера. Может, она и напоминает телосложением эльфа, но отнюдь не слабачка.

Стиснув зубы, Лили сунула ноги в тапочки, достала из-под кровати теннисную ракетку и вышла из спальни.

К ее облегчению, в коридоре было прохладнее. Она прислушалась, но не услышала ничего, кроме напоминавшего Дарта Вейдера сопения Джона. Как всегда, муж и дети заснули мгновенно, тогда как она лежала без сна, одолеваемая мыслями и заботами, которые невозможно укротить.

Дверь в спальню Грега была распахнута. Закрыв ее, Лили медленно спустилась по лестнице, останавливаясь каждые пару шагов, чтобы прислушаться. В доме не раздавалось никаких подозрительных звуков, и она уверилась, что хлопок ей приснился. Спустившись на последнюю ступеньку, она включила свет и посмотрела направо. Дверь на кухню была широко открыта. Лили пересекла коридор и вошла в кухню. Быстрый осмотр показал отсутствие нарушителей и битого стекла – ничего необычного, за исключением того, что один из стульев был передвинут от барной стойки к столешнице. Странно. Она попыталась вспомнить, двигала ли Ханна, Грег или Джон стул перед сном, и не смогла. Она точно не двигала. В голову пришла ужасная мысль, и Лили зависла. Неужели Джон… нет, он не стал бы, особенно когда в доме дети, и в любом случае, ничего такого не происходило. Как всегда, она живо вообразила самое страшное.

Испытывая тошноту, Лили передвинула стул на его обычное место и вышла их кухни.

Она заглянула в столовую и не заметила ничего странного. Гостиная тоже казалась обычной; на кофейном столике в центре комнаты стояли пустые пивные банки и ее винный бокал. Сквозь потолок слышался храп Джона. Никого тут нет. Должно быть, звук захлопнувшейся двери ей показался.

Лили опустила теннисную ракетку и, размышляя, пошла по коридору. Она ушла спать раньше Джона, да. Он сказал, что хочет досмотреть фильм, который они начали вместе. Все еще сердитая из-за их ссоры, она умчалась спать, даже не поцеловав его на ночь. Она ждала, что он поднимется через некоторое время проверить, в порядке ли она, но он не поднялся. Усталость после напряженной учебной недели в сочетании с избытком красного вина означала, что она не смогла дождаться его, чтобы выяснить отношения – второй раз за вечер. Очевидно, она отрубилась и на кухне что-то произошло, что-то, потребовавшее передвинуть кухонный стул.

Озадаченная Лили остановилась у подножия лестницы и посмотрела на входную дверь. Закрыта. Ключ висит на крючке. Никто не вломился. Никто не хлопал дверью. Ей точно приснилось.

Вздохнув, она выключила свет и принялась подниматься.

Морщась при каждом скрипе, она на цыпочках прошла мимо детских спален, на несколько секунд согретая мыслями о своих маленьких мальчике и девочке, спящих в кроватках. Она так сильно их любит, что это даже пугает. В тот миг как родилась Ханна и Лили увидела ее прекрасное личико, она поняла, что больше никогда у нее не будет ни одного беззаботного дня.

Она скользнула в хозяйскую спальню, и по ее телу прошла странная дрожь. Лили мрачно посмотрела на Джона и забралась обратно под влажную простыню, зная, что вряд ли заснет снова.

Глава 4

Любовь

7 лет

сентябрь 1988 года

Ветер щипал Любовь за щеки. Ледяные зубы покусывали уши, словно змеи горгоны Медузы. Смаргивая слезы, она юркнула в фургон, который делила с матерью и сестрой, и захлопнула дверь. Наслаждаясь теплом, она налила себе чашку мятного чая – если помыть чайник, то мама не узнает, что она им пользовалась, – потом села по-турецки на кровать и достала лист бумаги. Учительница Надежда часто просила Любовь прочесть остальному классу новость недели, потому что она лучшая ученица. Даже несмотря на то, что Смирение старше, Любовь лучше. Сейчас они читают «Паутину Шарлотты», глупую историю про поросенка по имени Уилбур и его подружку паучиху Шарлотту. Другим детям, кажется, нравится, но Любовь считает ее скучной и предсказуемой. Она предпочитает мифы о богах и богинях, которые пользовались своей особой силой, чтобы уничтожать или спасать людей, в зависимости от настроения.

Еще ей нравится читать ежемесячный вестник, в котором всегда описываются интересные события, происходящие в общине. И там всегда упоминается Дядюшка Спаситель, а она любит читать про него. Он такой сильный и умный. Иногда она думала, что он похож на настоящего Зевса. Улыбнувшись этой мысли, Любовь сделала глоток чая и начала читать.

ВЕСТНИК ОБЩИНЫ

сентябрь 1988 автор Благородство, ред. Дядюшка Спаситель

СПЕЦИАЛЬНАЯ НОВАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

В эту субботу община приветствует свою пятую семью специальной новой церемонией.

Мероприятие, метко названное церемонией рождения, состоится в амбаре в субботу в полночь. Проводимая нашим глубокоуважаемым лидером, церемония рождения откроет новой семье путь к захватывающей новой жизни путем дарования им чистых имен.

Закончив трехмесячный период акклиматизации в доме Дядюшки Спасителя, новая семья с нетерпением ждет начала своего нового путешествия. Нил (27

лет), муж Пенелопы (23 года) и отец Кристины (4 года) и Саманты (5 лет), говорит, что рад присоединиться к общине: «До приезда сюда, мы были в жутком состоянии как финансово, так и эмоционально. Жестокая атака Молочной Воровки[1 - Молочная Воровка – прозвище Маргарет Тэтчер, которая, занимая пост министра образования, урезала государственные субсидии на образование и даже ввела плату за молоко, которое раньше школьникам наливали бесплатно.]на металлургическую отрасль лишила меня работы и заставила едва сводить концы с концами. Работы во Флинтшире не было. Я пробовал все, но на фоне роста процентных ставок это было невозможно. В прошлом году наш дом отобрали за долги, и с тех пор мы кочевали по домам друзей. В мае Молочная Воровка сказала: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». Представляете цинизм этой женщины? По ее вине люди голодают. Мы не «не хотим» трудиться, мы «не можем».

Я спросил Пенелопу, как их семья пришла к нам. Она сказала: «Когда знакомый друга рассказал мне о ферме, я поняла, что нам суждено там быть… Доброта и щедрость Дядюшки Спасителя поразительны. Мудрость его безгранична. Он буквально спас нас от голодной и бездомной жизни. Больше того, он дал нам надежду, показав, что не все такие злые и аморальные, как Тэтчер. Хорошие люди еще существуют в этом мире. Счастливое, благодатное будущее остается возможным для наших девочек. Поистине, мы с мужем ждем не дождемся узнать наши чистые имена и начать новую жизнь здесь. Мы уверены, что под руководством Дядюшки Спасителя можем стать лучшими версиями себя. Это лучшая жизнь, которую мы можем обеспечить нашим девочкам. Жизнь в мире и гармонии. Чистая, хорошая жизнь среди честных людей с одинаковыми взглядами, которые хотят помогать ближнему».

К всеобщему восторгу Дядюшка Спаситель объявил, что во время церемонии каждому будут предоставлены белые балахоны и маски. «Белые одежды будут олицетворять чистоту новых имен, – говорит он. – Этот цвет также символизирует свежий старт для этой семьи. Я также думаю, что маски добавят процессу таинственности и эмоциональности. Бобби оставил мне обширную коллекцию венецианских масок, так что мы ими воспользуемся. Я знаю, что дети с особенным восторгом воспримут этот добавочный элемент театральности, но уверен, что взрослые тоже».

Любовь положила вестник на колени и хлебнула чая. В голове теснились новые слова, которые она только что прочитала. Она пыталась осмыслить их, понять, что значат длинные слова вроде «акклиматизация» и «цинизм», но это было

невозможно. Отчасти ей хотелось, чтобы мама была здесь и объяснила. Но в то же время она радовалась, что мама на морозе собирает ежевику со Смирением. Мама странная: всегда старается поощрять ее играть с другими детьми, хотя Любови хочется только таскаться за Дядюшкой Спасителем.

Она подумала было пойти в фургон к Надежде и спросить, что значат эти слова, но уже пригрелась и не хотела выходить на улицу. Кроме того, самое важное ясно и так: будет специальная церемония для новеньких и всем выдадут маски. У нее задрожали коленки. Любовь представила, как дядя проводит церемонию, и ее сердце переполнилось от восторга. Он такой необыкновенный, и ее заставляет чувствовать себя необыкновенной. Все им восхищаются, совсем как в старину люди восхищались Зевсом.

Улыбнувшись, она вернулась к вестнику.

ДЯДЮШКА СПАСИТЕЛЬ СПАСАЕТ ДОБРОДЕТЕЛЬ

В восемь утра в прошлую пятницу Дядюшка Спаситель спас Добродетель от перелома ноги или чего похуже.

Дядюшка Спаситель кормил кур на дворе, когда услышал крик. Он сказал: «Это был крик чистого ужаса. К счастью, я предположил, что он раздался из конюшни, и оказался прав».

Несмотря на ужасную мигрень, Дядюшка Спаситель побежал в конюшню и обнаружил, что Добродетель попала в ловушку в стойле Сатурн. «Сатурн была не в настроении. Она вставала на дыбы и била копытами рядом с бедной маленькой Добродетелью».

Дядюшка Спаситель, наплевав на осторожность, перепрыгнул дверь стойла и встал между мощной лошадью и маленькой девочкой. «Добродетель слишком оцепенела от ужаса, чтобы шевелиться, так что я взял ее на руки, криком отогнал Сатурн и вынес малышку из стойла».

Дядюшка Спаситель осмотрел Добродетель и обнаружил у нее на коленке глубокий порез. Он поцеловал кровоточащую рану, как сделал бы любой

любящий родитель.

Добродетель сказала: «Дядюшка Спаситель спас мне жизнь и вылечил коленку поцелуем. Он мой герой!»

Сердце Любови колотилось о ребра. Она перечитала слова, и ее руки задрожали. Снаружи ветер обрушивался на ферму так же, как гнев и замешательство обрушивались на ее разум.

Нахмурившись, она скомкала вестник и швырнула в стену фургона.

Все знали про глупое поведение Добродетели и что Дядюшка Спаситель спас ее, но поцелуй в коленку – это что-то новенькое. И неправильное. Он не должен дарить Добродетели особенные подарки вроде поцелуев. Добродетель идиотка – медленная, ленивая девчонка, которая ничем не заслуживает подобного. Да, это показывает, какой хороший человек Дядюшка Спаситель, но Любови это не нравится. Ни капельки не нравится.

Закрыв глаза, она представила себе историю, от которой ей полегчало. История начиналась тем, что на Добродетель напали змеи горгоны Медузы, и заканчивалась ее превращением в камень.

Глава 5

Ханна

Наши дни

Ночь была ужасно темной, а воздух таким неподвижным и тихим, что находиться на улице казалось неправильным.

Все дома на Черри-Три-клоуз спали, закрыв глаза. Облака облепили луну, словно наклейки в книжке, так что Ханне с Грегом приходилось полагаться на уличные фонари, а с ними что-то было не так. Вместо ровных, ярких полос света они

мигали, словно трепещущие веки. Так бывало с ее лучшей подругой Люси во время припадков. На губах выступала пена, и все ее тело тряслось, будто от удара током. Это было страшно. Почти так же страшно, как идти по улице среди ночи без взрослых.

У Ханны заболел живот. Она опустила взгляд на улыбающееся личико Грега, разрываясь между нежеланием испортить ему веселье, нежеланием, чтобы он рассказывал про ее поцелуй с Джеком Пикерингом, нежеланием, чтобы он посчитал ее не смелой, и отчаянным желанием вернуться домой, где они будут в безопасности.

– Сколько еще идти? – спросила она.

– Недалеко.

– Знаю, но сколько именно?

– Ух…

– Скажи, куда мы идем, Грег, и я посчитаю.

– Нет. Это мой квест.

Она фыркнула:

– Квест? О чем ты?

– Ты что, не знаешь, что такое квест?

– Конечно знаю. Но это не квест. Это просто глупая прогулка посреди ночи, чтобы увидеть то, чего не существует и все равно не будет там, когда мы дойдем.

– Вот поэтому я и не хотел, чтобы ты шла. Я знал, что ты будешь такой, – сказал Грег, сдувая мешающиеся волосы.

– Какой?

Он пожал плечами и отвел взгляд. В его глазах блестели слезы. Он шмыгнул носом и прибавил шагу, резко размахивая руками. Ханна пошла быстрее, чтобы угнаться за ним, в животе крутило.

В конце их улицы Грег повернул налево, и они начали подниматься на холм. На вершине живет его подружка, Аврора Уайт, и Ханна подумала, не туда ли направляется ее брат. Аврора довольно странная девочка. Однажды она пришла к ним в гости на ужин и подожгла обрывок газеты, а потом бросила в камин, где остался след. Мама узнала и очень вежливо сказала Авроре, что так делать небезопасно. Вместо того чтобы извиниться, Аврора расплакалась, уткнулась лицом в колени и отказывалась что-либо делать или говорить, пока ее не забрали. С тех пор она больше не приходит в гости, и Ханна этому рада. Аврора всегда пялилась на нее, и от ее взгляда все внутри Ханны холодело. Она не понимает, почему Аврора нравится Грегу, но он немного другой, так что, наверное, дело в этом. У него почти нет друзей в школе, и он не играет с другими мальчиками на переменах или в обеденный перерыв. Иногда некоторые мальчики говорят ему гадости, и ей приходится просить их оставить его в покое. Из-за этого она беспокоится, что будет в следующем году, когда она перейдет в старшую школу.

Они покинули Черри-Три-клоуз, обогнули новые постройки на Мэйпл-корт и вышли на Догвуд-стрит.

На Догвуд-стрит не было деревьев, цветов или аккуратно подстриженных лужаек. На ней были матрасы, шины и пустые пивные банки. На тротуаре валялись осколки стекла и окурки сигарет, и кто-то привязал к полиэтиленовому пакету два покрытых слизью воздушных шарика. Щербатая дорога напоминала окаменелые ископаемые, и было очень шумно. Лаяли собаки. Гремела музыка. Плакал ребенок. А в воздухе стоял странный, противный запах.

– Что это? – спросил Грег, сморщив нос.

– Не знаю. Мне тут не нравится. Думаю, нам лучше вернуться.

– Ни за что. Ты обещала. И мы почти пришли.

– Почти пришли?

Ханна схватила его за рюкзак и дернула к себе.

– Эй! Пусти!

– Пущу, когда скажешь, куда мы…

Она замолчала, заметив впереди двух мужчин.

Ханна уперлась горячей ладонью в грудь Грега. Он остановился и проследил за ее взглядом. Несколько секунд они с Грегом стояли на тротуаре под уличным фонарем, вытаращив глаза и разинув рты. Музыка заглушала слова мужчин, но было видно, что они злы друг на друга. Ханна никогда в жизни не видела настоящей драки, только по телевизору, так что на мгновение была слишком потрясена и могла только смотреть. Грег прикрыл рот ладошкой и сделал шаг назад. В груди поселилась холодная тяжесть, и Ханна тоже попятилась.

Мужчины начали толкать друг друга в грудь. Один занес руку и ударил второго, тот увернулся, покачнулся в сторону и расхохотался.

Ханна рывком схватила Грега за руку и затащила за голубую машину. Не заботясь о нежности, она заставила его сесть на корточки в нескольких дюймах от номерного знака, и сама встала на коленки рядом на гравийную дорогу. Грег поднял бровь, и она поднесла палец к губам, а затем показала на мужчин.

По улице разносились крики.

Ханна выглянула из-за машины и увидела, как более высокий мужчина ударил другого по лицу. Низкий отшатнулся назад, и из прохода между домами выбежал еще один мужчина. Низкий мужчина и прибежавший бросились на высокого, теперь их было двое на одного. Высокий начал кричать и отбиваться, но через пару секунд упал на землю, а противники насели на него и начали молотить кулаками по телу.

Ханна схватилась за горло и отвела взгляд. Челюсть сжалась. Накатила паника, но Ханна затолкала ее обратно: пока они с Грегом прячутся за машиной, им

ничего не грозит. Мужчине на земле не повезло, но они с Грегом ничем не могут ему помочь. Они должны сидеть тихо и прятаться, пока мужчины не уйдут. Если они выполнят это, то все будет хорошо.

Вдруг Грег высунулся из-за машины посмотреть, что происходит. Он ахнул, и Ханна дернула его обратно.

Звуки драки прекратились.

Грохот сердца отдавался в ушах. Ханна медленно подняла голову за задним стеклом. Низкий мужчина показывал в их сторону. Он что-то сказал, и его товарищ повернулся. Один из них пнул лежавшего мужчину.

Ханна затаила дыхание. Может, все закончилось. Может, Грег их не выдал.

Мужчины еще поговорили, потом один из них достал что-то из кармана. Что-то блеснувшее в лунном свете. Они повернулись к голубой машине. Один вытер футболкой лицо от крови. Второй что-то сказал, и они засмеялись. Потом пошли к машине. К ним с Грегом.

В горле взорвалась боль. Ханна посмотрела на Грега.

– Они нас заметили.

Она схватила его за руку, подняла на ноги и дернула за собой, огибая машину с другой стороны.

Они побежали. Один из ее тапочек-единорогов соскользнул с ноги.

Позади по земле застучали шаги. Один из мужчин крикнул, чтобы они остановились. Второй засмеялся, визгливо и возбужденно, как гиена. Но оба побежали за ними очень-очень быстро.

Глава 6

Лили

Наши дни

Лили Вудс не могла заснуть. Как будто ее мозг – книга, которую листают миллион невидимых рук и отказываются остановиться. В голове мелькали мысль за мыслью, тревога за тревогой. Она пыталась считать в обратную сторону от ста, пересчитывала овец, представляла золотой пляж с ласковыми бирюзовыми волнами, вспоминала летний отпуск в Коста-Брава несколько лет назад. Ничего не помогало. В голове продолжался тоненький звон, и она беспокоилась, что вдруг у нее тиннит[2 - Тиннит (от лат. tinnire, которое означает «позвякивать или звенеть, как колокольчик») – звон или шум в ушах без внешнего акустического стимула.]. Когда в машине не было детей, она включала музыку очень громко – неужели она повредила свои уши навсегда? Она сильно прижалась ухом к подушке в надежде, что звон прекратится, но ничего не изменилось. Перевернувшись на другой бок, она попыталась игнорировать звук, но стало только хуже. Звон перекрывал все другие мысли, так что Лили стала представлять, каким будет их грядущий отпуск на Майорке, и нахмурилась не в силах остановить приступ тревоги. Будут ли они с Джоном ссориться каждый день, как последние несколько месяцев? Найдутся ли у них темы для разговоров? Будет ли Джон уходить и отказываться говорить с ней, как вчера вечером? Боль в груди усилилась.

Лили сосредоточилась на его Дартвейдеровском сопении и агрессивно перевернулась на другой бок, изо всех сил шурша простыней. Она понимала, что это по-детски, но ее раздражало, как легко он засыпает, когда она ночь за ночью сходит с ума от недостатка сна. Из-за этого она думала, что ему плевать на их частые ссоры, отчего злость только усиливалась. Лили стала думать про Джульетту Пикеринг и замечание Джона о том, как хорошо та выглядит для своего возраста, потом мысленно заново проиграла их недавнюю ссору возле школы. Джульетта спросила, все ли в порядке с Ханной. Мол, она заметила, что девочка стала меньше улыбаться, а Лили огрызнулась, чтобы она занималась своими делами и что Ханна в порядке. Джульетта сказала ей остыть, и Лили – которая никогда в жизни не ругалась – велела ей самой заткнуться. Тут их прервала милая молодая помощница учителя, мисс Миллс, с вопросом, могут ли они поговорить о Греге. Джульетта возмущенно зыркнула на нее и удалилась, ее фальшивые сиськи даже не колыхнулись, как пара сферических пресс-папье. Она споткнулась о бордюр в своих дурацких шпильках, и теперь это воспоминание вызвало у Лили улыбку в темноте спальни. Бесценно. И

выражение на оранжевом от искусственного загара лице Джульетты – совершенство. Надо написать Джорджи и рассказать ей.

Вздохнув, Лили закатила глаза. Ей было стыдно, что она слишком остро отреагировала на замечание, и она пообещала себе быть вежливой при следующей встрече. Будем надеяться, что Джульетта поступит так же, и дальше они будут общаться, как положено двум цивилизованным взрослым.

Кусая щеку, Лили думала о том, что сказала мисс Миллс про Грега. Во время обеденного перерыва она обнаружила его в туалете. По словам мисс Миллс, сначала он не признавался, почему решил есть принесенный с собой обед в туалете, но в итоге она выяснила, что другие мальчики обижали его, а лучшая подружка Аврора не заступилась и они сильно поссорились, и поскольку ему больше не с кем было есть обед, он решил есть в одиночестве в туалете для мальчиков.

Лили еще не успела поговорить с ним об этом, потому что закрутилась: отвезти Ханну на балет и приготовить еду, забрать ее и так далее. Она пообещала себе поговорить с ним завтра. Бедный малыш немного чудной. Он не так легко сходится с людьми, как Ханна. Ханна больше экстраверт. Куда бы они ни ехали в отпуск, она заводила друзей у бассейна, а Грег обычно был сам по себе. В прошлом году он был очарован ящерицами. Каждый раз, когда видел одну, преследовал бедняжку и пытался поймать, но, слава богу, у него не получалось, хотя это не мешало ему пытаться снова. Ее малыш очень настойчивый. Упрямый, как ржавчина, весь в отца. Весь в нее, если подумать. Упрямую и слишком тревожную.

Ее антипсихотики. Черт. Она забыла забрать их. Опять. С последней таблетки прошло уже три дня. Наверное, поэтому у нее все время кружится голова. Завтра суббота, а значит она останется без таблеток еще на два дня, если только не отправится в больницу, чтобы отсидеть несколько часов в очереди, на что у нее совершенно нет времени.

К горлу подкатила тошнота.

Джон не знает. И не узнает. Она ему не скажет. Он читает ей нотации, когда она забывает заказать или забрать лекарства. Проблема в том, что их отсутствие очень плохо сказывается на ней. Однажды, примерно шесть лет назад, она

забыла взять их с собой в отпуск, и результат оказался катастрофическим. Джон пытался связаться с ее терапевтом, чтобы тот отправил ее рецепт в аптеку на Родосе, но он отказался – по какой-то глупой протокольной причине, которую она не помнила, – и остаток отпуска превратился в ад. Головокружение, рвота, острая тревога, которую она была не в состоянии контролировать. Поразительно, как быстро включились побочные эффекты от абстиненции. У нее даже появлялись мысли о самоубийстве, чего не случалось с того года, когда родилась Ханна.

Джон ее поддерживал, но каждый раз, когда она забывала о таблетках, его терпение таяло. Теперь она скрывала от него, если вдруг забывала, что все еще происходило время от времени. Ей правда необходимо придумать систему, но с детьми, работой и постоянными ссорами с Джоном у нее просто нет на это времени.

В голове раздался голос Джона: «Отмазки, отмазки, отмазки. Просто сделай».

Лили понимала, что он прав. Завтра первым делом она установит напоминание на Алексу. Это же возможно, верно? Алекса – недавнее приобретение, и Лили все еще привыкала к ней. Джон намного лучше нее разбирается в технических новинках и социальных сетях. Вечерами он практически живет в своем телефоне, что стало еще одной причиной напряженности между ними. Еще одной причиной, которая заставляла ее гадать, не общается ли он с кем-то, с кем не следует. Ее подмывало заглянуть ему через плечо и проверить, но если он узнает, что она его подозревает, то, наверное, психанет.

Совсем как она.

Лили уставилась на его затылок. Раньше она потянулась бы и ласково погладила его шею, просто чтобы коснуться его кожи.

Раньше ей нравилось делить с ним постель, она с нетерпением ждала утренних и ночных объятий, которые на первых порах часто вели к сексу. Теперь она не испытывала желания прикасаться к нему, только ужасное стеснение в груди, в котором она узнавала своего старого врага – тревожность.

Глава 7

Любовь

8 лет

ноябрь 1988 года

Когда мама закончила читать вестник, она выглядела странно. Осунувшейся и пожелтевшей, словно высохший лимон.

Смирение бросила взгляд на Любовь и спросила:

– Что такое, мама? Что там написано?

Мама не ответила. Ее рука поднялась к горлу и зависла там, трепыхаясь, словно умирающая рыбка. Мама зажмурилась и уронила подбородок на грудь.

Сестра потянулась к вестнику, но Любовь выхватила его, забежала в крошечную ванную и заперла дверь. Ей не нужно было в туалет. Она хотела прочитать в одиночестве.

ВЕСТНИК ОБЩИНЫ

ноябрь 1988

Автор Благородство, ред. Дядюшка Спаситель

ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ

Страдавший в последние десять лет мигренями, Дядюшка Спаситель внезапно избавился от головных болей, и он полагает, что знает, что его исцелило. «С тех пор как я поцеловал коленку Добродетели и мои губы соприкоснулись с ее кровью, я чувствую себя по-другому и у меня прошли мигрени! Также я чувствую

себя чище, чем когда-либо, и я начинаю задумываться о пользе крови: есть ли у нее потенциал сделать больше?»

Благородство соглашается, что с такими впечатляющими новыми перспективами все возможно: «Дело в пище, которую мы едим, воздухе, которым мы дышим каждый день, живя здесь с Дядюшкой Спасителем вдали от вредных загрязнений внешнего мира. Разве удивительно, что кровь наших детей содержит такую благодать?»

Как всегда говорит Дядюшка Спаситель, кровь – это жизнь. Возможно, он задумал что-то, что сделает наш уникальный путь еще исключительнее.

Кровь? Кровь Добродетели?

Любовь прочла вестник еще раз. Если благодаря крови у Дядюшки Спасителя прошли головные боли, это хорошо. Ей ненавистна мысль о том, что он страдает от боли, но неприятно, что ему стало лучше от крови Добродетели. Она хотела сама помочь ему. Ей необходимо быть особенной, важной и достаточно могущественной, чтобы победить его мигрени.

Любовь перечитала текст, отчаянно желая узнать, есть ли способ это сделать, и верно – в первый раз она это упустила, но так и есть, написано черным по белому, – надежда есть: «Разве удивительно, что кровь наших детей содержит такую благодать?»

«Кровь наших детей». Не только Добродетели. Ее тоже.

От облегчения закружилась голова. Любовь смыла воду и отперла дверь. Снаружи стояла Смирение и пристально смотрела на нее. Не говоря ни слова, она вырвала вестник из руки Любви, развернулась на пятках и прильнула к маме на диване.

Любовь смотрела, как мама притянула Смирение ближе, смотрела, как мама рассеянно гладит русые волосы сестры, слушала, как они обсуждают, что кровь Добродетели избавила Дядюшку Спасителя от мигреней. Когда мама прошептала, что это невозможно, что это миф, опасная ложь, что она беспокоится о душевном состоянии Дядюшки Спасителя, Любовь нахмурилась.

Смирение согласно кивнула, и сердце Любви вскипело. Она не могла поверить в их поведение. Дядя самый добрый, самый великий человек в мире. Как смеет мама вести себя так, будто он неправ? И еще поддакивающая Смирение, слишком глупая, чтобы думать самостоятельно.

Дрожа, Любовь вышла из фургона в морозный день, чтобы найти Дядюшку Спасителя, полная решимости сказать ему, что она верит в историю с кровью и, если он хочет, то может взять и ее кровь.

Глава 8

Ханна

Наши дни

Ханна не знала, куда бежит, знала только, что так надо. Если мужчины их догонят, то сделают что-нибудь нехорошее. Маме с папой не нравилось, когда она смотрела взрослые новости, потому что там рассказывают жуткие вещи, но она периодически улавливала отрывки и с тех пор истории не выходили у нее из головы и преследовали. Например, история о маленькой девочке, которая пропала где-то неподалеку и так и не нашлась.

Ханна оглянулась. Мужчины приближались. Впереди был мост, а за ним дорога кончалась. За тупиком чернел лес. Среди деревьев нет фонарей, а значит, плохие мужчины не смогут их увидеть. Но и они не смогут увидеть плохих мужчин.

Грег замедлился. Ханна дернула его руку и потащила за собой.

– Не останавливайся, Грег! Они нас поймают!

Он застонал и ускорился. Легкие горели, и Ханна представила, каково Грегу. Пот заливал глаза и струился по спине. Рюкзак Грега глухо стучал по его спине. Она подумала сказать ему бросить его, но тогда ему придется остановиться, а им

нельзя сбавлять скорость.

– Я… больше… не могу!

– Можешь. Надо.

Они забежали под мост, и их окутала кромешная тьма. Плечи Ханны дрожали, а ноги превратились в желе. Она споткнулась и еле удержалась на ногах. Грег поддержал ее, и они побежали к чернеющему лесу.

– Надо спрятаться, – сказала Ханна.

Она слышала топот мужчин. Они не отставали и не сдавались.

Она дернула Грега дальше в лес. Фонари остались далеко позади, деревья сомкнулись над головой и закрыли луну, так что Ханна видела всего на несколько дюймов под ногами.

– Слишком темно, – прошептала она, притормаживая.

– Подожди, – сказал Грег.

Она услышала, как он расстегнул молнию и принялся рыться в рюкзаке.

В глаз попал узкий красный лучик.

– Уй.

– Извини.

Он отвел лазерную указку в сторону, и лучик упал покрытую мхом стену из беспорядочно наваленных камней и деревьев.

– Быстро. За нее!

Ханна выхватила у него фонарик и потащила брата по ухабистой земле.

Они сели на корточки позади замшелой стены и закрыли рты ладошками. Оба тяжело и громко дышали. Слишком громко для лесной тишины – которая внезапно взорвалась треском и шорохами. Мужчины здесь.

Ханна попыталась замедлить сердцебиение и успокоить грохот в ушах, но это было невозможно. Она надеялась, что мужчины не услышат ее.

Она выключила красный фонарик. Потная ладошка Грега нашла ее руку. Ханна крепко сжала ее.

– Мне страшно, – прошептал Грег.

Она хотела сказать ему сидеть тихо, но не посмела заговорить.

В лесу стало тихо. Ханна внимательно прислушалась. Под деревьями вновь воцарилась тишина. Видели их мужчины? Видели они красный огонек? Смотрят ли прямо на место, где прячутся они с Грегом?

Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Ханна еще крепче сжала ладонь Грега, он сжал ее в ответ и придвинулся ближе. Лучше бы он не шевелился: даже такое крошечное движение создало шум, который могли услышать мужчины.

Стало очень темно. Ханна посмотрела наверх. Ничего не увидела. Она не видела лица Грега, только его силуэт.

Невозможно понять, где мужчины. Она слышала, как они вошли в лес, а потом все затихло, отчего ей казалось, что они стоят здесь, недалеко, может быть прямо перед стеной. Стоит им с Грегом издать хотя бы звук, мужчины услышат, и что тогда? Эти мужчины плохие. Они покалечили другого. Объединились против него и избили, а теперь преследуют их с Грегом. Только очень плохие люди будут так делать. Если они поймают ее и ее младшего братишку, значит ли это, что покалечат их тоже?

Ханна покачала головой и застыла от ужаса, что они услышали шорох ее волос. У нее пышные кудрявые волосы. Она слышала, как они шуршали, а значит, мужчины тоже могли услышать.

Она сглотнула и тут же пожалела об этом. Даже глотание казалось громким на фоне остальной тишины.

Ханна гадала, плачет ли ее младший братик. Его ладошка дрожала в ее руке. Ей захотелось сказать, что все будет хорошо, но она не могла говорить и не знала, правда ли это. Мужчины могут стоять с другой стороны от их укромного места и ждать, пока она или Грег издадут какой-нибудь звук.

Грег заерзал на месте. Это тоже произвело шум. Короткий, тихий шорох. Ханна сильно стиснула его ладонь, давая понять, чтобы не шевелился, и он шмыгнул носом. Ее сердце заколотилось. Шмыганье было очень тихим, но мужчины и его могли услышать.

Вдруг она рассердилась на Грега. Это он во всем виноват. Если бы он не верил в дурацких фей, они не оказались бы здесь среди ночи, преследуемые двумя гадкими мужчинами. Они спокойно и уютно спали бы в своих кроватях. Еще она злилась на того, кто уговорил его уйти из дома ночью, чтобы увидеть фею. Это было глупо, нелепо и опасно, и ей не следовало идти с ним. Ханна нахмурилась, разозлившись на себя. Она старшая сестра Грега. Ее долг приглядывать за ним и оберегать, но она допустила это, потому что испугалась, что он расскажет про ее поцелуй с Джеком. Не будь она такой трусихой, позволила бы ему рассказать маме. Да, мама отчитала бы ее, но и только. Не такая уж беда, просто ей не хотелось сердить маму, та и так все время сердится на папу.

– Теперь можем идти? – прошептал Грег ей на ухо.

Прижав палец к его губам, Ханна покачала головой, надеясь, что он поймет, и изо всех сил надеясь, что мужчины не слышали его голос, который прозвучал ужасно громко.

Дрожа, Ханна держала братишку за руку и прижимала палец к его губам. Ее сердце колотилось, как лапка Топотуна в мультике «Бэмби». Дыхание Грега было слишком частым и громким, и она испугалась, что у него начнется приступ астмы. Их не было уже некоторое время, но когда они случались, мама с папой использовали большой насос, качая воздух в его легкие, чтобы он не умер. Если у Грега случится приступ, плохие мужчины ни за что это не пропустят, и она никак не сможет ему помочь. Она хотела спросить его, положил ли он в рюкзак ингалятор, но прикусила язык. Если приступ будет несильным, маленького

ингалятора может оказаться достаточно, чтобы спасти Грега.

У нее разболелась голова, и хотелось домой. Она не могла поверить во все происходящее. Всего несколько минут назад она стояла на кухне и пыталась убедить Грега не выходить из дома. Почему, ну почему она сдалась?

Услышав тяжелое дыхание мужчин, Ханна вздрогнула. Сжала зубы и прислушалась. Атмосфера изменилась. В воздухе распространился странный табачно-травяной запах с Догвуд-стрит. Послышался шорох, шарканье ног, глухой удар.

– Мелкие говнюки сбежали.

– Они все равно нас не разглядели. Слишком темно.

– Нет. Надо искать дальше. Они нас видели. Они видели, что мы сделали. Света хватало…

– Не. Я ухожу.

– Пофиг. Иди. Думаешь, мне не насрать?

– Да ладно, Радж, нам надо убрать Рыжего. Мы сильно его избили. Может, стоит подкинуть его к больничке? Он ничего не скажет.

– Эй. Погоди. Мой телефон.

Ханна чуть не ахнула. Если мужчина воспользуется фонариком на телефоне, то может додуматься посмотреть за стеной. Может увидеть их.

– Не, чувак. Я сваливаю.

– Хорошо. Пошел на хрен.

Ханну отпустило. Она внимательно прислушивалась к тому, как мужские шаги шаркали по сухой земле и становились все тише и тише, пока совсем не

смолкли. Они ушли, она уверена. Убрав руку ото рта, она отпустила липкую ладошку Грега.

– Ушли? – прошептал Грег.

– Да. Уф-ф. Чуть не попались.

Она включила лазерную указку и направила на землю. Рядом с ее тапочком-единорогом, на куче мха извивался склизкий червяк.

– Фу.

– Они говорили плохие слова, – сказал Грег.

– Они плохие люди, вот почему. Идем домой.

– Нет! Мы еще не видели фею.

– Ты издеваешься? Грег, нас чуть не поймали два злых дядьки, которые избили третьего. Здесь опасно. Нам надо домой.

– Но мы так близко! – заныл он.

Ханна схватила его запястье и вытащила из-за замшелой стены.

– Мне все равно. Мы идем домой.

– Нет.

– Да.

– Нет. Я хочу увидеть фею.

– Что, если они вернутся? Они могут привести друзей. Они могут принести ножи!

Грег споткнулся, и Ханна удержала его. Он шмыгнул носом.

– Мы так близко. Это прямо за лесом. Там тропинка. Видишь.

Он показал на землю. Ханна отыскала красным огоньком тропу и проследила путь узким лучом.

– Откуда тебе знать, что она ведет туда? Тут, наверное, полно тропинок.

– Она ведет к лесной школе. Мы ходили туда с классом.

Тропинка выглядела жутко, но слегка знакомо, и Ханна поняла, что и сама в прошлом году ходила по ней на экскурсию в лесную школу. Тропинка вела к небольшой группе домов чем-то похожих на их, довольно близко к дому Джека Пикеринга. Она вспомнила, что Джек рассказывал про тропинку. Говорил, что любит играть в войнушку в лесу с братьями. Ханна знала, где живет Джек, потому что летом была у него на дне рождения.

Она нахмурилась и попыталась вспомнить, сколько идти до конца леса.

Грег сидел на земле, скрестив руки и ноги. Он пытался сдуть челку с глаз, но волосы прилипли ко лбу.

– Я не пойду домой. Пока не увижу фею.

Ханна покусала щеку изнутри, гадая, сколько сейчас времени. Еще очень темно. Они отсутствуют не так уж долго. Если поторопиться, то можно добраться куда надо Грегу. Он очень быстро поймет, что никаких фей там нет, и тогда они смогут бегом вернуться домой и лечь в постели. Мама с папой никогда не узнают, что они уходили. Это будет их маленькая тайна. Ее и Грега. Навсегда.

– Ладно. Но только очень быстро. Если мама с папой проснутся и поймут, что нас нет дома, у нас будут большие проблемы.

– У вас уже большие проблемы, солнышко.

На ее красную точку легло ярко-желтое пятно.

Ханна ахнула. Голос. Мужской. Мужчина с фонариком на телефоне. Она резко развернулась и направила красный луч на его лицо. Он улыбался, но улыбка была ненастоящая. Она не затронула его глаза, только сухие, потрескавшиеся губы.

Ханна глянула ему за спину. Похоже, он один. Наверное, второй мужчина ушел.

Он посветил фонариком сначала на нее, потом на Грега.

– Попались.

Глава 9

Лили

Наши дни

Лили рылась в шкафчике с лекарствами, сбрасывая все ненужное в раковину. Наполовину использованный тюбик с детской зубной пастой – она хранила его на случай, если они с Джоном заведут третьего ребенка, но двух оказалось более чем достаточно. Несколько упаковок обезболивающих, презерватив – они уже много месяцев не занимались любовью. Древний тюбик вазелина, пластыри со Свинкой Пеппой, «Калпол».

Она нахмурилась, зевнула так широко, что заболела челюсть, и продолжила поиски в полной уверенности, что прошлым летом покупала снотворное и не закончила упаковку. Таблетки творили чудеса, но инструкция предупреждала не увлекаться, так что Лили перестала принимать их, как только нормально проспала несколько ночей.

В шкафчике было полно просроченных лекарств. Надо бы его разобрать, но завтра они с детьми записаны на стрижку, а днем их надо отвезти в бассейн. Джон целый день будет работать в гараже над созданием какого-нибудь поразительного предмета мебели. Он невероятно талантлив. Когда она не

злится на него, то гордится его произведениями и упорным трудом, а иногда немножко завидует: работа учителем заставляет выкладываться на полную. Иногда по вечерам она настолько измотана, что чувствует себя зомби, тогда как Джон, даже работая допоздна, полон энергии и так сосредоточен на своей работе, что едва обращает внимание на нее или детей, когда они заглядывают поздороваться. Обычно ужинает он тоже в гараже, заявляя, что не может прерываться, иначе никогда не закончит начатое – какая чушь. Бред. Ерунда. Полнейшая фигня. Когда это началось? Она не могла вспомнить. Шесть или семь месяцев назад?

Он может заниматься чем угодно, пока она на работе…

Лили так сильно прикусила губу, что почувствовала, как та припухла. Она знала, что должна прекратить подобные мысли. Джон не изменяет. Джон никогда не изменит. Он хранил верность все пятнадцать лет, что они вместе. Даже когда был частью очень отмороженной компании, он оставался верен ей.

Они встретились в год, когда ей присвоили квалификацию учителя. В тот жаркий летний день она поехала кататься на велосипеде и решила остановиться в пабе, в котором никогда раньше не бывала. «Зеленый человечек» в маленькой деревушке под названием Торнхилл в пятнадцати минутах езды от ее дома. За барной стойкой, с проколотой бровью и выкрашенной в светлый цвет челкой, стоял Джон Вудс. На два года старше нее, сложенный как пловец, чертовски сексуальный. Восторг лишил ее дара речи, но она украдкой поглядывала на него, потягивая свою «Колу», и заметила, что он тоже рассматривал ее. Он дерзко улыбнулся и присоединился к ней к большому неудовольствию своего босса. Но это же Джон, он подмигнул своему работодателю и продолжил болтать с ней, не заботясь о реакции начальства. В то время ему было двадцать четыре года, и он совмещал работу бармена и плотника. В тот день она влюбилась в него, а ночь провела в его крохотной квартирке. Тогда он был очаровательным и разговорчивым. Теперь стал молчаливым и угрюмым. Она совсем этого не понимала.

На ум пришло загорелое лицо Джульетты Пикеринг. Нет. Эта женщина не во вкусе Джона. Джону нравятся миниатюрные, естественные женщины вроде нее самой, а не высокие, искусственные, как Джульетта. Ему даже не нравится, когда Лили красит ногти. Говорит, что они выглядят фальшивыми. И все же, было что-то в том, как он произнес то замечание, что Джульетта хорошо выглядит для своего возраста. Что-то в том, как он смотрел на нее.

Это случилось в ноябре, на встрече родителей класса Ханны. Лили отправилась туда в джинсах, джемпере и замшевых ботинках. Джульетта пришла в обтягивающем платье и на шпильках. Лили заметила, что довольно многие отцы поглядывали на женщину, и бросила взгляд на Джона, чтобы убедиться, что он не занят тем же – но он был занят. И именно когда она поймала его за разглядыванием, он пробормотал, что Джульетта хорошо выглядит для своего возраста. Именно тогда Лили начала зацикливаться на том, каким отстраненным он стал.

Весь оставшийся вечер она его игнорировала, и когда он наконец спросил ее, в чем дело, ей показалось слишком стыдным и глупым говорить об этом. Она винила в резкой смене настроения месячные, которые, вероятно, имели отношение к тому, что она думала и вела себя, как ревнивая корова.

Лили сильно нахмурилась, а потом улыбнулась – нашлось снотворное. С невероятным облегчением она выпила две таблетки вместо рекомендованной одной. Она понимала, что это безответственно, но ей нужен сон. Хороший ночной отдых все изменит. Может, она даже соберется с духом и поговорит с Джоном о том, что у нее на уме. Еще ей нужно поговорить с Грегом о случившемся в школе.

Мгновение Лили всматривалась в фиолетовые полукружья под глазами, потом оттянула кожу на висках назад, заставив мелкие морщинки исчезнуть. Вздохнув, она отпустила кожу и постаралась не думать о том, что они с Джоном уже очень давно не смеялись вместе. Она уже некоторое время не смеялась ни с кем. Хохотушка Джорджи укатила в творческий отпуск в Австралию и замечательно проводит время, а остальные подруги слишком заняты для встреч, да Лили и сама не прикладывала усилий и не предлагала встретиться. Мысль о попытках выкроить время для друзей всегда оставляла ее без сил, и она переживала, что они заметят, что ее что-то гложет, надавят и она проговорится насчет Джона. Она знала, что разговор с кем-нибудь о своих тревогах пойдет на пользу. Когда была жива мама, Лили всегда проговаривала подобные проблемы с ней, но мамы больше нет.

От желания услышать мамин голос защипало глаза. Она знала, что сказала бы мама. «Поговори с Джоном. Озвучь». Но не так-то это легко. И все же ради детей она заставит себя.

С тяжелым сердцем Лили выключила свет и вышла из ванной.

Задержавшись возле спальни Ханны, она положила ладонь на дверь и подумала войти, погладить свою дочурку по нежной щечке. Она мягко надавила на дверь, но та издала такой скрип, что Лили поморщилась. Боясь разбудить дочь, она оставила дверь в покое, развернулась и, мягко ступая, вернулась в спальню, где скользнула под простыню и с удивлением обнаружила, что сторона Джона пуста. Она вяло прикинула, где он может быть, и поняла, что уже некоторое время не слышала хрипов Вейдера. Может, спустился вниз за стаканом воды?

Она перекатилась на бок и устроилась поудобнее. За глазными яблоками сгустилась тяжесть, похожая на черный бархат, притупляя разум и путая мысли. Лили выдохнула. Плечи и грудь отпустило. Мышцы расслабились. Мозг размяк. Все напряжение растаяло, словно лед под солнцем. На губах появилась слабая улыбка. Она вздохнула.

Лили так и не узнала, вернулся ли Джон в спальню, потому что через несколько мгновений спала так крепко, что ее не разбудила бы и ревущая сирена.

Глава 10

Любовь

Почти 9 лет

июль 1989 года

В амбаре стояло настоящее пекло. Он защищал от палящего солнца, но накапливал зной, поджаривая всех, словно курицу. Все были полуголые. Женщины в свободных блузах. Мужчины без рубашек и в джинсовых шортах. На детях были велосипедки и мало что еще. Даже солома нагрелась.

За открытыми дверями виднелась дрожащая дымка раскаленного воздуха над полями, да неподвижные коровы, полумертвые от солнечного удара. Внутри деревянных стен в топком воздухе жужжали мухи, привлеченные потными

телами, стремясь сесть на участок кожи и попробовать его соленую сладость. Несмотря на их неослабевающие атаки, большинству было слишком жарко даже пошевелиться, чтобы отогнать.

Дядюшка Спаситель жестом пригласил всех сесть в круг. Для двадцати пяти общинников было тесновато, но взрослые взяли малышей на колени, чтобы поместились все. Надежда, одетая в полосатую блузку, едва закрывающую ее огромную грудь, раздавала поджаренные на огне кукурузные початки, истекающие маслом, и чашки с домашним медом. Все с удовольствием принялись за еду, а мухи зажужжали от восторга и набросились на кукурузу.

Любовь слизнула масло с пальцев и улыбнулась дяде. В отличие от остальных детей, на ней не было шорт, только окрашенная свеклой блуза, так что солома колола бедра, но ей было все равно. Общие собрания были ее любимым занятием. Их всегда проводили в воскресенье днем, радостно завершая хлопотливую неделю. Хотя ее заботил только дядя, собираться вместе каждую неделю казалось правильным.

На самом деле идея общих собраний принадлежала маме, и Любови это нравилось. Иногда от мамы столько же пользы, как от других матерей. Она никогда не станет такой же хорошей, как учительница Надежда, но Дядюшка Спаситель говорит, что у мамы получается.

Проблема в том, сказал он ей по секрету, что мама слаба.

Дядюшка Спаситель хлопнул в ладоши. Все затихли. Даже мухи сделали перерыв. Он широко улыбнулся каждому взрослому и ребенку и от души рассмеялся.

– Боже, ну и жара! Посмотрите на нас: все полуголые и пот ручьем. Загляденье!

Все засмеялись, даже Смирение, которая обычно ходит с таким видом, будто ее отхлестали по лицу форелью.

– Как бы то ни было, первым делом я хотел поприветствовать всех. Я много и напряженно думал о теме нынешнего общего собрания и наконец решил. Дети, есть догадки?

Любовь подняла руку:

– Добрые дела?

Дядюшка Спаситель улыбнулся ей:

– Близко, но нет. Кто-нибудь еще?

Любовь нахмурилась. Она ненавидела ошибаться. Она крепко задумалась, но руку подняла Добродетель.

– Смелость?

Он покачал головой.

Измазанный маслом палец Милосердия взмыл в воздух.

– Чистота?

Дядюшка Спаситель одарил ее одной из своих самых широких улыбок. У Любови заболел живот. Она попыталась поймать взгляд дяди, но он уже продолжал:

– Молодец, Милосердие, какая ты умная. Да, я посчитал хорошей идеей поделиться сегодня идеями о чистоте.

Дядюшка Спаситель встал и вышел в центр круга. Ему нравилось стоять во время речи. Любовь любила смотреть на него снизу и наблюдать, как двигается его челюсть, озвучивая такие умные, важные мысли.

Он хлопнул в ладоши и развернулся вокруг своей оси, улыбаясь каждому.

– Давайте приступим? Чистота. Вы знаете, что это слово обозначает отсутствие пороков и грязи? И разве это определение не характеризует нас и все, к чему мы стремимся? Я помню, как моя сестра впервые приехала сюда жить долгих пять лет назад. Милость, моя родная младшая сестренка, не узнала собственного брата!

Мама кивнула, ее и так розовые щеки потемнели от румянца.

– Что я могу сказать? Брат, которого я знала, был совсем другим человеком. И вот я встретилась с разумным фермером, который живет тем, что выращивает, и все уши мне прожужжал своими причудливыми новыми идеями.

Дядюшка Спаситель расхохотался. Любовь обожала его гулкий, низкий смех.

– К этому я и веду, – сказал он. – Я хотел рассказать вам всем, как оказался на ногах вместо ранней могилы.

При слове «могила» настроение в амбаре поменялось. Никому не нравится думать или говорить о смерти. Это темная, ужасная тема. Несколько недель назад дядя посадил ее и рассказал, что в конце концов все умирают. Люди не созданы для вечной жизни. Когда-нибудь все, кого она знает, умрут. И она тоже умрет. Сначала было трудно осознать эту мысль, а потом до нее дошло и ей показалось, что она не может дышать. Почему она должна умереть? И что случится, когда это произойдет? Дядюшка Спаситель сказал, что она просто перестанет существовать. Перестанет учиться. Перестанет есть. Перестанет думать. Перестанет… быть живой. Эта мысль была такой страшной, что Любовь расплакалась, но он вытер ее слезы и сказал, что знает, как предотвратить ее смерть, предотвратить смерть всех, и в его глазах она увидела правду. Дядюшка Спаситель особенный. Он знает, как спасти ее. Знает, как спасти их всех. Она не хочет умирать. Никто не хочет. Она сделает что угодно, чтобы жить вечно.

Взгляд Дядюшки Спасителя потемнел, и он перестал улыбаться. На этот раз он опустился на пол и сел среди остальных. Он рассказывал о своем ужасном детстве, о строгих родителях католиках и лицемерии, которое проповедовали они и их религия. Его голос стал хриплым, когда он описывал ленивого безработного отца, который не обращал на него внимания, и мать, которая слишком много пила и до хрипоты обзывала его всеми известными словами, частенько побивая для верности. Он говорил, что жаждал доброты и любви семьи, но не получал. В школе его травили, дома игнорировали или орали, в церкви постоянно заставляли чувствовать себя грешником, даже когда он не делал ничего плохого. Мама кивала. Она никогда не рассказывала о своем детстве, но Любовь видела, что с ней обращались так же. Любовь смотрела на маму, но не испытывала желания утешить ее, а вот Дядюшку Спасителя хотелось похлопать по плечу и вытереть блестящие в его глазах слезы.

Дядюшка Спаситель вытер щеки пальцами и сказал:

– Когда меня нашел фермер Бронсон, я был близок к смерти. Полубезумный от зависимости, я опустился до того, что воровал сумочки у старушек, чтобы оплачивать свое пристрастие. Однажды жарким июльским днем вроде сегодняшнего Бобби Бронсон поймал меня на воровстве и притащил сюда, на ферму, упирающегося ногами и руками, надо добавить.

Дядюшка Спаситель смешно изобразил капризничающего ребенка. Все расслабились. Все дети – кроме Смирения – захихикали. Мягким голосом он описывал бесконечное терпение и доброту Бобби Бронсона, который показал ему новый путь в жизни.

– Бобби говорил о чистоте, о жизни от земли, о том, что надо отдавать больше себя другим, быть добрым к окружающей среде и к незнакомцам. Он не говорил о поклонении одному богу или строгом следовании словам древней книжки, полной лицемерия. Вместо этого он говорил о том, что надо прививать любовь к общему делу и ценить своих собратьев. Бобби верил в отказ от земных сокровищ и необходимость делиться с другими и долго и пространно говорил об этических принципах, которые узнал в юности и которые я запомнил навсегда. Позже я много думал об этих идеалах. Мы уже применяем многие из них в своих повседневных добрых делах и своем стремлении быть как можно лучше и чище, но в последнее время я думаю, что нам надо делать больше. Выяснив, что чистота, которую мы взрастили в своих детях, может сделать нас сильнее, я никак не могу перестать думать, что еще одна цель может на самом деле оказаться досягаемой.

Рука Любови взметнулась вверх. Мама похлопала ее по коленке, словно говоря, что не время для вопросов, но Любовь не обратила на нее внимания.

– Как назывались идеалы Бобби?

Дядюшка Спаситель подарил ей одну из самых ярких улыбок. Он улыбнулся всем и сказал:

– Бобби называл это коммунализмом, но мы можем сами дать им имя. Сделать их своими. Пожалуйста, повернитесь друг к другу, обсудите, а потом поделимся мыслями.

Амбар наполнился восторженным щебетанием, но оно прервалось, когда Смирение выкрикнула:

– Что за цель, о которой вы не можете перестать думать?

Ее брови хмуро сдвинулись. Голос звучал грубо.

Все уставились на Смирение. Любовь прожигала ее сердитым взглядом.

Дядюшка Спаситель поднял брови:

– Ах, хороший вопрос. Есть предположения, дети?

– Просто скажите нам, – сказала Смирение, заработав строгий взгляд от мамы.

Дядюшка Спаситель встал и вновь вышел на середину. Он потер ладонями бедра, словно нервничая, шагнул между мамой и Смирением, встал на колени позади них и положил ладони им на спины. Любовь не отрывала от них взгляда, мечтая, чтобы он положил ладонь на нее.

Улыбаясь всем, он подождал, пока все внимание будет приковано к нему. Тогда он сверкнул глазами и серьезным голосом произнес:

– Идеалы Бобби, если следовать им от чистого сердца, используя все возможные методы для достижения абсолютной чистоты, могут, я уверен, дать последователю способность пережить любого, возможно даже жить вечно.

Он замолчал и обвел помещение взглядом. Любовь тоже. Все взгляды в амбаре были направлены на ее дядю. Она мысленно повторила его слова, и у нее перехватило дыхание. Мысль о вечной жизни была невероятной.

Дядюшка Спаситель мудро кивнул:

– Серьезно, мне нравится думать об этой финальной стадии – стадии, которую человек должен достичь, чтобы добиться своей цели, – как о полном просветлении. Чтобы достичь его, человек должен стать полностью чистым

сердцем. Чистым и хорошим до мозга костей.

– Это невозможно, – буркнула Смирение достаточно громко, чтобы люди услышали.

Любовь представила, как пинает сестру по щиколотке, чтобы та заткнулась, но ей не пришлось.

Дядюшка Спаситель убрал ладонь со спины Смирения, встал и вернулся в центр круга. Он посмотрел вниз на Смирение и широко развел руки.

– Жизнь такая, какой ее делаешь ты, дорогая Смирение. Если ты выбираешь не открывать свое сердце и разум, как твой отец до тебя, это полностью твой выбор, но я выбираю надежду и вечное счастье. Я выбираю верить в жизнь, любовь и все хорошее. Все мы здесь прекрасно уживаемся, и я так благодарен за эту малость, эти узы, эту самоотдачу, которые создают сердечное братство, нашу собственную семью, которая выходит за границы генетических характеристик. Не знаю, как ты, дорогая Смирение, но мне это нужно. Откровенно говоря, я думаю, нам всем это нужно.

Смирение уставилась на свои колени, явно стыдясь своей глупости.

Любовь подняла руку и сказала:

– Я думаю, мы должны назвать это «Вечная жизнь».

Все глаза обратились на нее. Лицо Дядюшка Спасителя просветлело.

– А знаешь что, Любовь? Мне нравится это название. Очень, очень нравится.

Любовь раздулась от гордости.

Он повернулся к общине и широко улыбнулся:

– Что думаете?

Все разразились криками и бурными аплодисментами. Несколько детей вскочили на ноги и забегали по кругу, кукарекая по-петушиному. Смирение теребила свои сандалии. По щекам сестры текли слезы, но Любовь это не волновало, ее волновало только мнение Дядюшки Спасителя.

Она просияла, глядя на него снизу вверх, а он наклонился к ней и прошептал, что она необыкновенная. У нее екнуло сердце. Она улыбнулась так широко, что заболели щеки.

Он повернулся к остальной пастве и сказал:

– А теперь давайте наденем маски и будем танцевать вокруг костра!

Глава 11

Любовь

10 лет

декабрь 1990 года

Белая крупа тонким слоем припорошила землю. Снег покрывал фургоны и конюшню, а также дом Дядюшки Спасителя и старый клуб, который вряд ли когда-либо использовался. Сахарные хлопья не торопясь спускались с черного неба и ложились на землю.

Ведомые свечами у себя в руках и светом, льющимся из дома, члены общины торопились к амбару. Тишину ночи нарушал резкий скрип, а также и шепот и смешки. Подарок оказался таким тяжелым, что его пришлось везти на двух связанных вместе тачках. Возбуждение окутывало группу, словно силовое поле. Не хватало только Дядюшки Спасителя.

В амбаре все принялись за работу. Возле стен через каждые несколько футов расставили кремовые свечи, чтобы обеспечить достаточно света и как можно больше тепла. Девочкам раздали красную и серебристую мишуру, чтобы

украсить волосы, а мальчикам венки из плюща. Все были в белых церемониальных балахонах под кофтами из овечьей шерсти, которые скоро снимут. Пока взрослые укладывали алый ковер на застеленный соломой пол, дети вешали украшения на рождественскую елку. Любовь сделала шар из пустого куриного яйца, которое осторожно расписала десятью красными сердечками. Она обвязала раскрашенную скорлупу тонкой веревочкой, потом встала на цыпочки и привязала ее к самой высокой ветке, надеясь, что Дядюшка Спаситель заметит ее украшение первым, если она привяжет его на такое видное место. Довольная работой, она развернулась и посмотрела на маму. В отличие от других матерей Милость стояла поодаль, вжимаясь худым телом в тени амбара, растирая предплечья ладонями. Она словно хотела исчезнуть. Другие матери болтали с гордостью и восхищением. Подарок был идеей учительницы Надежды, и Любовь считала его великолепным. Дядюшка Спаситель так много сделал для каждого – он такой бескорыстный, такой чистый и добрый, – он заслужил это. И нуждался в этом.

Она повернулась спиной к маме и стала рассматривать группу детей. Они все выглядели такими же взволнованными, как Любовь, но Смирение хмурилась, совсем как мама. Любовь прищурилась. Смирение не хотела этого делать, но она избалованная, неблагодарная и эгоистичная. Когда Надежда впервые предложила идею женщинам и девочкам на встрече книжного клуба в прошлом месяце, Смирение отреагировала именно так, как Любовь и ожидала.

Она отрешилась от уродливого лица Смирения. Ее глупая сестра не испортит этот момент.

Дрожащими пальцами Любовь затянула свой хвостик алой мишурой и улыбнулась. В животе трепетало от восторга; она представила лицо Дядюшки Спасителя, когда он увидит сюрприз. Сначала он будет поражен, потом доволен – больше, чем доволен – на седьмом небе от счастья! Она улыбнулась, вспомнив, какой сюрприз он устроил ей на восьмой день рождения. Это был самый счастливый день в ее жизни. Когда она впервые увидела своего златогривого мальчика, ей показалось, что ее сердце лопнет от любви – не к жеребенку, а к Дядюшке Спасителю. Юпитер был идеальным, совсем как ее дядя, который точно знал, чего она хочет, и дал ей это, вот так просто. Он самый лучший взрослый в мире. Самый чистый и самый умный.

– А теперь, дети, пожалуйста, постройтесь ровно, – сказала Надежда своим учительским голосом.

Все построились. Любовь постаралась встать впереди. Она хотела увидеть реакцию Дядюшки Спасителя вблизи. Она осмотрелась. Смирение со своим вечным унылым видом держалась позади. Любовь нахмурилась на нее, потом переключилась на Благородство, который вкатывал изумительный подарок Дядюшке Спасителю. Любовь уставилась на его большие коричневые руки. Он был очень крупным мужчиной, даже крупнее Дядюшки Спасителя, хотя, конечно, не таким умным или хорошим. Никто не был таким гениальным или славным, как ее дядя.

Дети ахнули от изумления при виде деревянной скульптуры; это была превосходная копия настоящего Дядюшки Спасителя. У нее даже была его густая борода.

Благородство отошел и улыбнулся женщинам.

– Надеюсь, ему понравится.

– Он будет в восторге, – присвистнул кто-то.

– Он будет в еще большем восторге от того, что последует дальше, – мрачно сказала Смирение.

Все оглянулись на ее сестру. Любовь откинула волосы и сказала:

– Не обращайте на нее внимания. Она эгоистка.

Дети неловко замялись, но никто не возразил. Они уже знали, что не стоит стоять у нее на пути. Любовь улыбнулась про себя. Они все ее боятся, она чувствовала это глубоко в душе, как густую, липкую патоку, пропитывающую бисквит. Это знание согревало ее и приводило в восторг. Они знают, что она любимица Дядюшки Спасителя, поэтому не может сказать или сделать что-то плохое. Она усмехнулась Смирению, потом повернулась вперед, не в силах остановить дрожь в ногах – не от страха или необходимости пописать, а от чистого нетерпения.

В амбар входили остальные члены общины и вставали позади, за рядом детей. Мама пряталась за ними, сливающаяся со стеной бессмысленная тень.

Учительница Надежда достала поросячьими пальчиками иголку из своего швейного набора. Любовь считала ее похожей на свинку со вздернутым носом и пухлыми розовыми щеками, но она хороший человек и замечательная учительница. Надежда взяла маленькую голубую чашку Петри и встала на колени в начале ряда около Любови.

Декорации готовы. Если бы не мороз, все было бы идеально.

Одетая лишь в белый балахон, Любовь не могла сдержать дрожь. Она потерла ладони и попыталась угомонить трясущиеся ноги, желая быть спокойной и хладнокровной, как Дядюшка Спаситель. К ее удивлению, Милосердие, младшая дочь Благородства, всего на год младше нее, расплакалась.

Благородство резко повернул свою большую голову и сердито глянул на дочь. Милосердие всхлипнула и попыталась успокоиться, но не смогла.

Любовь нахмурилась и прошипела:

– Перестань реветь. Ты все испортишь. Ты разве не хочешь, чтобы Дядюшка Спаситель был счастлив?

Милосердие оглянулась на других детей, но все смотрели себе под ноги. Она посмотрела на отца, который отвел глаза.

– Любовь права, – резко сказал Благородство, – не будь ребенком. Это всего лишь маленький укол. Боль пройдет меньше, чем через секунду.

Милосердие посмотрела на иголку в руке Надежды и вздрогнула. Она попыталась попятиться, но Благородство схватил ее запястье своей большой рукой.

– Предупреждаю, Милосердие. Не смей. Ты позоришь меня.

Девочка всхлипнула и проглотила слезы.

– Прости, отец. Я неблагодарная. Я уже успокоилась.

– Если бы только все дети были как ты, Любовь, – громко сказала Надежда.

Любовь улыбнулась комплименту. Она знает, что лучше других детей, но приятно услышать это от кого-то еще.

– Идет! – крикнул кто-то.

В амбаре воцарилась тишина. Все головы повернулись к двери. В следующее мгновение там показался Дядюшка Спаситель, одетый в шерстяную кофту и длинные кальсоны. При виде собравшихся его лицо просияло.

– Привет всем. Какой приятный сюрприз. – Его взгляд упал на шеренгу детей и переместился к деревянной скульптуре. – Ох… ого.

– Счастливого Рождества, Дядюшка Спаситель! – закричали все хором, отчего огоньки свечей затрепетали.

Дядюшка Спаситель подошел к своей статуе. Провел ладонями по гладкой, хорошо обработанной поверхности. Долго вглядывался в свое деревянное отражение, потом медленно повернулся. В его глазах блестели слезы. Сердце Любови быстро забилось. Она посмотрел на нее, потом на всех остальных.

– Спасибо вам за такой подарок. Он чудесный.

– Это Благородство вырезал, – сказала Надежда.

Дядюшка Спаситель широко улыбнулся Благородству.

– Я и не знал, что ты такой талантливый. Спасибо, Благородство. Мне очень нравится.

– У нас есть еще один сюрприз, – сказала Надежда.

– Правда?

Он посмотрел на иголку в руке Надежды, самодельную трубочку рядом с ней и голубую чашку Петри. На его лице заиграла широкая улыбка. Любовь подумала, что никогда не видела его таким счастливым.

Благородство шагнул вперед.

– Мы все хотим помочь тебе достичь полного просветления как можно быстрее.

Дядюшка Спаситель кивнул. Он широко развел руки и громко сказал:

– Спасибо вам всем за этот замечательный подарок. Мне ясно, что все мы выросли в своем понимании, что значит стать чистым. Мы преодолели свои мирские, человеческие страхи и открыли сердца друг другу. Вместе мы станем чище. Вместе мы завершим наше путешествие. Вместе мы достигнем полного просветления.

Амбар взорвался аплодисментами. Сердце Любви воспарило вместе со звуком, пульс колотился в унисон. Щеки болели от улыбки. Она протянула указательный палец Надежде, которая проткнула его иголкой. На кончике пальца выступила бусинка крови. Надежда подставила голубую чашку, и Любовь выдавила в нее три капли крови. Делая это, она улыбалась Дядюшке Спасителю, любуясь светом в его глазах и тяжело вздымающейся мощной грудной клеткой. Он был в таком же восторге, как она. Это новый шаг в верном направлении. Как он всегда говорит, кровь – это жизнь, а она хочет жить вечно. Хочет, чтобы Дядюшка Спаситель тоже жил вечно, потому что он поможет ей получить то, что она хочет.

– Спасибо тебе, дорогая Любовь, – сказал он, когда она убрала палец.

Надежда дала ей пластырь, который она налепила на крошечный порез.

Не веря в происходящее, она смотрела, как Дядюшка Спаситель принял из рук учительницы Надежды чашку и поднес ее кровь к своим губам.

Глава 12

Ханна

Наши дни

Мужчина схватил Грега за рюкзак и оторвал его от земли. Грег закричал, повернул голову и впился зубами в руку мужчины. Тот выругался и выпустил Грега, который врезался в Ханну. При этом мужчина уронил телефон, и фонарик погас.

Понимая, что это их единственный шанс, Ханна схватила Грега за руку и потащила его по тропинке в глубь леса.

Деревья, казалось, становились выше и толще, а тени темнее, подбираясь ближе и нависая над ними словно мифические великаны с искривленными телами. В лесу было очень темно, ветви и корни жутко извивались. Деревьям как будто было плевать на проложенную между ними дорожку; ползущие поперек корни цеплялись за ноги, колючие кусты залезали на протоптанную тропинку и рвали одежду. Оставшийся тапочек-единорог слетел с ноги Ханны, схваченный появившейся из ниоткуда невидимой клешней.

Грег всхлипывал на бегу. Ханна так сильно сжимала его маленькую ладошку в своей, что боялась сделать больно, но не хотела отпускать. Если отпустит, он может отстать, и мужчина его поймает. Бедняжка Грег такой маленький. Он не знает, что делать. Наверняка проговорится, что они видели, как эти мужчины избивали другого. Но Ханна не глупая. Она понимает, что мужчина преследует их именно поэтому. Он знает, что они видели, как он бил человека. Ему надо не допустить, чтобы они пошли в полицию и рассказали об увиденном. Как в фильме «Клиент», который она смотрела однажды вечером через папино плечо, делая вид, что смотрит канал «Дисней» на айпаде. Ханна знала, что ей нельзя смотреть кино, но не могла оторваться. Она прекратила, только когда мама поймала ее и отчитала. Папа сказал маме расслабиться, и от взгляда, которым мама одарила папу, у нее по спине побежали мурашки. Но эти мурашки не сравнить с ужасными иголками страха, которые она ощущала сейчас.

Ханна сосредоточилась на красном огоньке, который на бегу метался из стороны в сторону. Дорожка казалась весьма извилистой, но не была бугристой, так что они могли двигаться быстро, несмотря на вредные корни и шипы, которые все время норовили добраться до них. Она знала, что, когда остановится, ее ноги

будут грязными и исцарапанными. Но пока они не болят, и останавливаться нельзя. Нельзя даже замедлиться. За спиной раздавались тяжелые шаги мужчины. Время от времени он что-то кричал, иногда «стойте», иногда какое-нибудь ругательство. Ханна пыталась отключиться от его голоса и сосредоточиться на беге и освещении тропинки лазерной указкой. Тропинка казалась бесконечной; если они сумеют пересечь лес до того, как мужчина их поймает, то смогут закричать и постучаться в чью-нибудь дверь, их услышат и придут на помощь.

Грег сказал, что нужное ему место находится за лесом. Он сказал, что это недалеко. Так почему же так долго?

Словно читая ее мысли, ее брат сказал:

– Мы… почти… там!

Ханна потянула Грега вперед, не веря своим глазам, когда деревья расступились, словно занавес в кино, открыв деревянный забор с калиткой, а за ними уличные фонари, мощеную дорожку и… да – дома!

– Идем! – сказала Ханна, отпуская руку Грега.

Грег рванул вперед, рюкзак подпрыгивал у него на спине, и прошмыгнул в калитку. Ханна побежала за ним, но замешкалась у калитки, которая на обратном движении ударила ее по коленке. Она оглянулась и опешила, когда за ней метнулся темный силуэт. Мужчина взревел и протянул руку, но лишь мазнул кончиками пальцев по ее волосам. Ханна побежала за Грегом, схватила его за руку и дернула к небольшой группе домов.

Грег споткнулся и упал на колени. Он вскрикнул, и Ханна резко развернулась при звуке шагов по бетону.

– Не двигайся, – проговорил мужчина, тяжело дыша.

Он посветил фонариком в лицо Грегу, потом Ханне, достал из заднего кармана нож, вырвал у нее из рук лазерную указку и выбросил ее.

Ханна опустилась на колени и прижала лицо Грега к своей груди. Он плакал и дрожал всем телом.

Борясь со слезами, она вздернула подбородок. Она знала, что ей надо вытащить их отсюда. И хотя была в ужасе, но не верила, что взрослый на самом деле причинит ей вред. Такое случается в кино, а не в реальной жизни. Она попыталась придумать что-то умное.

– Пожалуйста, не бейте нас. Мы ничего не видели. Клянусь.

Мужчина поцокал языком и присел на корточки, чтобы быть на одном уровне с ними. Направив луч фонарика на землю между своих колен, он сказал:

– Хорошая попытка, солнышко, но вы бы не побежали, если бы ничего не видели. А теперь идите сюда.

Он взял Ханну и Грега за шеи и поднял их на ноги.

– Давай-ка найдем для беседы местечко поуютнее, а?

Грег плакал и шмыгал носом, глядя в землю. Ханна попыталась взять его за руку, но мужчина грубо дернул их в разные стороны и погнал обратно к калитке и лесу.

– Пожалуйста, сэр, – попыталась она еще раз. – Мы никому не скажем. Обещаю. Нам вообще не следовало уходить из дома. Если родители узнают, нас ждут крупные неприятности, так что мы ничего не скажем. Мы просто хотим домой.

– Слишком поздно. И хорош реветь, парень. Ты разве не знаешь, что мальчики не плачут?

Он подтолкнул их к калитке и затем повел к лесу. Тишину нарушило какое-то щелканье, и мужчина застыл. Ханна посмотрела в сторону звука, но не разглядела ничего в сумраке деревьев.

– Что за хрень? – сказал мужчина.

Он спрятал нож в карман, взял шею Ханны в захват своей мощной рукой и потащил Грега за шиворот вдоль деревянного забора. Грег всхлипнул, и мужчина встряхнул его. Братишка затих. Ханне хотелось его утешить, но мужчина держал ее голову лицом вниз, так что она видела только его большие кроссовки и пятно света от телефона, которое подскакивало на земле в нескольких футах впереди.

Щелканье прекратилось, и мужчина остановился. Кажется, он прислушивался, стараясь понять, откуда исходит звук. Ханна попыталась было что-то сказать, но он сильнее сдавил ее горло, и она проглотила слова и сморгнула слезы с глаз.

– Довольно этого дерьма, – пробормотал он, резко развернул их и потащил обратно к калитке.

Странный звук раздался снова. На этот раз ближе. Мужчина остановился и полез в карман за ножом, а у Ханны появилась идея. Может и не сработать, но она в отчаянии. Этот мужчина может оказаться самым злым в мире. Он действительно может вести их в лес, чтобы убить. Этой ночью они с Грегом могут умереть, а они слишком маленькие, чтобы умирать. Нет! Она не даст мужчине навредить Грегу. Не даст ему навредить ей. Не сегодня. Никогда.

С жутким воплем Ханна изо всех сил наступила мужчине на ногу. В это же время Грег извернулся и выбил у него из руки телефон. Мужчина выругался, но не выпустил их.

– Гребаные детишки. Если кто-нибудь из вас попробует это снова, я отрежу вам уши. Ты, на колени, ищи его!

Он толкнул Ханну на землю. Она зашарила по сухой земле в поисках телефона.

– Поторопись, – сказал мужчина, – или я его порежу.

Сердце Ханны бешено колотилось, она поползла вперед, водя руками по земле, но находя лишь высохшую грязь, веточки и острые камни. Она попой почувствовала подошву и шлепнулась на живот, когда мужчина подтолкнул ее вперед.

– Давай ищи. И быстро. Мне нужен этот телефон.

Цок-цок. Цок-цок. Цок-цок.

Опять этот странный звук.

– Я не могу его найти, – сказала она.

Теперь ее голос дрожал. Страх застрял в горле, перекрывая воздух, как леденец.

Грег снова хныкал, но на этот раз мужчина не отреагировал на него.

– Даю тебе еще три секунды.

Ханна ахнула и лихорадочно зашарила руками по темной земле. Слезы слепили бы ее, если бы она хоть что-то видела, но было слишком темно.

– Три.

Деревья словно проглотили луну и звезды. Ханна ощущала запах пота мужчины и странный дымный запах с Догвуд-стрит. Она представила его с волчьей головой, вонзающим зубы в маленькую белую шейку Грега.

– Два.

Она искала быстрее и усерднее – и ее рука наткнулась на что-то похожее.

– Нашла!

Она развернулась и протянула телефон. Мужчина нащупал ее руку и вырвал у нее устройство.

– Хорошая девочка.

Он развернул фонарик к ней и направил прямо в лицо.

– Мы возвращаемся в густой темный лес, детишки. Вперед.

Ханна хотела встать, но он покачал головой:

– Ты поползешь, солнышко. Вперед.

Она попыталась поймать взгляд Грега, но он прижимал ладони к лицу, словно слишком боялся смотреть. Ей снова вспомнился фильм, который она смотрела из-за папиной спины. Маленький мальчик потерял способность говорить после того, как увидел, как плохой человек запер его брата в машине и угрожал пистолетом. Если они выберутся живыми, Грег тоже потеряет голос? Эта мысль приводила в ужас. Но не так сильно, как мысль о смерти Грега.

Вздрогнув всем телом, Ханна поползла по тропинке вслед за фонариком, пытаясь придумать другой способ сбежать, но ничего не приходило в голову. Ее разум поглотила темнота, такая же черная и бездонная, как ночь вокруг.

Не способная ни к чему, кроме повиновения, Ханна старалась ползти как можно медленнее. Чем дальше они зайдут в лес, тем хуже для них. Она не знала, откуда такая уверенность – просто знала. Если они углубятся в лес действительно далеко, никто не услышит их криков.

– Вы нас убьете? – спросила она, повернув голову к мужчине.

Он пихнул ее ногой, заставив забарахтаться. Она не хотела плакать; она хотела оставаться сильной и быть смелой, умной сестрой. Сестрой, которая умна достаточно, чтобы придумать план и спасти младшего братишку, но она ощущала себя собакой, которую ведут на бойню. От нее ничего не зависит. Ее жизнь в руках этого злого мужчины. Жизнь Грега тоже в его руках. Она всего лишь десятилетняя девочка, и это реальная жизнь. Это не фильм, где все кончается хорошо. Глубоко в душе Ханна понимала, что в реальном мире все не так. Принцесс не спасают прекрасные принцы. Маленьких девочек убивают злые люди.

– Вот. Здесь достаточно далеко, – сказал мужчина.

Он толкнул Грега на колени. Грег подполз к ней, Ханна обняла его обеими руками и подняла глаза на скрытое тьмой лицо мужчины. Он направил фонарик на землю перед ними, склонил голову набок и надул щеки. На секунду ей подумалось, что он их отпустит. Он казался задумчивым, почти добрым. Пропуская нож между пальцев, словно игрушку, пальцами второй он барабанил по дереву.

Ханна спрятала лицо Грега у себя на груди, подумала про маму с папой и закрыла глаза.

Она посмотрела на нож, потом в глаза мужчине. У него были тяжелые веки, как у мультяшного пса, чье имя она не могла вспомнить, но пальцы очень быстро перекатывали нож. Хрустнув коленями, мужчина сел на корточки перед ними и поднял нож.

– Слушайте, я не знаю, какого хрена вы шляетесь по улице среди ночи. Не знаю, сбежали вы или что, и мне плевать. Меня волнует, чтобы вы держали свои рты на замке. Вы увидели кое-что неподходящее, и теперь вы помеха. Гребаная помеха.

Грег вздрогнул от грубого слова и заплакал.

– Дело в том, – мрачно продолжил мужчина, – что я должен быть уверен, что вы не проболтаетесь.

Он направил нож на Ханну и Грега.

– Мы не станем, – сказала она, – да, Грег? Обещаем.

– Да. Не станем.

Мужчина прищурился. Его губа ощерилась.

– Если станете болтать, я узнаю, где вы живете, приду ночью и убью ваших родителей.

У Ханны в животе образовался ком. Она попыталась отползти, но мужчина протянул руку, схватил ее за плечо и прижал нож к горлу.

– Не двигайся.

Он слегка провел металлическим лезвием по ее шее, вызвав щекотку. Широко улыбнулся, показав зубы. Он выглядел безумным. Совсем не похожим на человека. А больше на хэллоуинскую маску.

По деревьям прокатился громкий шорох.

Мужчина выключил телефон, погрузив их в темноту.

Часть вторая

Глава 13

Лили

Наши дни

Джон тряс Лили за плечи, вырвав из самого крепкого сна за много лет.

– Что ты делаешь? – нахмурилась она.

Сердце колотилось о грудную клетку. Щеки были мокрыми от слез. Прищурившись от света люстры, она сердито смотрела на мужа.

– Дети пропали, – сказал он.

Она никогда не видела его таким бледным.

– Что ты имеешь в виду?

Она вскочила с кровати и потеряла равновесие, когда ноги коснулись ковра. Паника выпустила свои когти.

– Их нет в комнатах.

– Что?!

– Мне не спалось, так что я спустился поработать, а когда поднимался, пошел проверить их. Их нет.

Отпихнув его, Лили выбежала из спальни. Она вошла в комнату Ханны и уставилась на пустую кровать. Паника отсекла сонливость, как лезвие гильотины. Сердце заколотилось. Глаза обшаривали комнату. Она была пуста. Но пахла ею. Ханной. Перед мысленным взором зародился странный сон, ядовитый и издевательский. Лили прогнала его прочь, развернулась и выбежала из комнаты в спальню Грега. Его кровать тоже была пуста, простыня небрежной кучей валялась на полу. Что-то кольнуло в грудь.

Лили посмотрела на Джона:

– Ты обыскал дом?

– Да. Их нет.

– Сад?

– Да.

– Тогда где они?

– Я не знаю.

– Ты звонил в полицию?

– Нет, я…

Она стиснула зубы и сдержала все слова, которые хотелось проорать.

– Звони. Сейчас же.

Она метнулась мимо него и бегом спустилась по лестнице. Схватилась за ручку входной двери, ожидая, что та заперта, и вздрогнула от удивления, когда дверь открылась. Она бросила взгляд на крючок для ключей: ключи на месте. Конечно на месте. Она видела их раньше, когда спускалась проверить, а значит…

Живот скрутило.

На верху лестницы показался Джон.

– Они сейчас пришлют кого-нибудь. Тебе лучше одеться.

– Ты запирал дверь вчера вечером? – спросила Лили с нехорошим чувством в животе.

– Что? Да. Конечно запирал. Я всегда ее запираю.

– Но ты много выпил. Может, ты забыл?

Ее слова повисли в воздухе ядовитым газом, в них ясно слышалось обвинение. Она тут же пожалела: обвинения не помогут им узнать, где Ханна и Грег. Не помогут ей вернуть детей. Надо взять себя в руки. Сохранять спокойствие. Но что-то сдавливало легкие, не давая дышать.

Джон мгновение смотрел на нее, потом отвел глаза.

Лили сорвала с вешалки куртку, распахнула входную дверь и выбежала в бархатно-черное утро, выкрикивая имена своих детей, пока не почувствовала в горле вкус крови. У соседей начали загораться окна. Через несколько секунд мистер Саксон стоял у себя в дверях, из распахнутого темно-синего халата выглядывало бледное тело.

– Миссис Вудс, что за шум? – спросил он, шагая по своей дорожке.

– Дети. Они пропали. Вы что-нибудь видели или слышали? – сказала Лили, заглядывая ему за спину в открытую дверь.

Ей на ум пришла кошмарная мысль. Большинство детей похищают люди, которых они знают. Она вспомнила все ужасные истории похищений, которые когда-либо слышала в новостях, – похоже, в последнее время это случалось все чаще и чаще. Дети – в основном девочки – пропадали. Их забирали. Похищали. Запирали в чужих домах, прятали от людей, годами мучали, и никто не мог их найти, и только через много лет им как-то удавалось сбежать. А иногда не удавалось. Иногда их находили мертвыми или вообще не находили. Всего несколько лет назад недалеко отсюда пропала маленькая девочка. Лили помнила глаза ее матери – какими они были потерянными – и свои ужасные мысли: «Слава Богу, это не моя малышка». А следом еще хуже: «Как эта женщина до сих пор жива? Если бы со мной произошло такое, я бы умерла».

Она шагнула ближе к мистеру Саксону. Ее окатил рыбный запах тела. Почему только он вышел посмотреть, что за шум? Она пристально смотрела ему в глаза. Он смотрел на нее. Она пыталась прочесть его мысли. Не смогла.

Иногда злодеям нравится быть причастными, верно? Нравится участвовать в деле. Наблюдать за друзьями и семьями своих жертв. Смотреть, как они страдают.

Мистер Саксон странный мужчина. Одинокий шестидесятилетний, не слишком старый, чтобы… Нет, она не смогла закончить мысль. Но разве все эти мужчины не такие? Странные и тихие. Отшельники, живущие сами по себе. Мужчины, которых никогда не заподозришь, потому что они не выделяются из толпы.

Лили поняла, что сердито смотрит в его покрасневшие глаза, и не успела остановить сорвавшееся с губ шипение:

– Вы видели их? Видели моих детей?

– Что? Нет. Конечно не видел. Я всего лишь вышел узнать, почему вы устроили такой переполох!

Не слишком ли он отнекивается? Слишком защищается? Она уставилась на его левый глаз, заметив, как задергалась морщинистая кожа. Он сжал правую руку. Разжал. Снова сжал.

– Я возвращаюсь в кровать. Подозреваю, ваши дети устроили злой розыгрыш. А теперь, пожалуйста, прекратите шуметь, миссис Вудс. Мне теперь нужно гораздо больше сна, чем раньше, знаете ли.

Она сердито зыркнула на него, не в силах поверить, что ему все равно. Он отвел глаза, не в состоянии смотреть на нее. Он повернулся, но Лили схватила его за руку, с удивлением обнаружив, какая та худая.

– Подождите. Можно я просто…

– Отпустите меня, женщина! – сказал он, вырвав руку из ее хватки, и ушел дергаными шагами.

Лили смотрела, как он идет по своей подъездной дорожке, скрывается в доме и захлопывает дверь. Она слышала, как щелкнул ключ в замке, и почувствовала, как внутри что-то перевернулось. Ее колени подогнулись. На плечи легли сильные руки. Джон развернул ее к себе и, не говоря ни слова, отвел в дом. Она позволила ему отвести себя в гостиную и усадить на диван. В руках оказалась чашка с чаем. На спину легла теплая ладонь.

Ее затошнило от страха.

Этого не могло случиться с ними. Но случилось.

Глава 14

Перлайн

Наши дни

Слишком рано вырванная из сна, инспектор уголовной полиции Перлайн Оттолайн потянулась к телефону.

– Оттолайн.

– Это сержант Кросс. Я приехал на вызов. Проблема на Догвуд.

– Продолжайте.

– Жертва скончалась до приезда скорой помощи. По первому впечатлению его забили до смерти.

– Место огородили?

– Да.

– Компания Раджа?

– Вероятно. Тело прямо у его порога.

– Хорошо. Мне надо позвонить. Буду минут через двадцать.

«Господи». Коннор Радж – это плохо.

Она выдохнула сквозь навалившийся стресс и выброс адреналина. Кроссу лучше действовать как положено. Он показался ей умным во время их короткого знакомства на прошлогодней рождественской вечеринке, а ее сержант, Сэм Диббс, знает его еще по колледжу и говорит, что Кросс хорош. Лучше бы Диббс был прав. Оказаться первым полицейским на любом месте преступления огромная ответственность. Кросс будет играть ключевую роль в обеспечении неприкосновенности места преступления. Если Диббс говорит, что он хорош, скорее всего так оно и есть. Она верит своему сержанту, как брату, но это не мешает мурашкам бегать по плечам. Радж жестокий наркоторговец, которому место за решеткой. Если Кросс облажается, улики, которые могли бы раскатать Раджа, никогда не доберутся до суда, и вина, по существу, будет лежать на ней.

Она покачала головой. «Господь всемогущий». Пора бы уже научиться доверять способности другого профессионала делать свою работу. Но она такая, какая есть; ее папаша это обеспечил. Словно вызванное темной ведьмой, возникло детское воспоминание, и тени в комнате приняли облик ее отца, темный, угрожающий и вездесущий, готовый уничтожить все, чего она добилась.

Нахмурившись, Перлайн прогнала кошмар. Бесполезно вгонять кол в уже треснувшую стену. Ей надо быть в настоящем. Сосредоточься. Будь копом, которым, ты знаешь, ты можешь быть. Прошлое не может контролировать настоящее. Она справится. Помогать людям, которые не могут помочь себе сами, ее удел. У нее хорошо получается. Большую часть времени.

Она собиралась уже завершить звонок, но Кросс сказал:

– Оттолайн, я только что узнал, в деле замешаны дети.

Она резко села:

– Как?

– Жена Раджа, Кристал, говорит, что видела, как двое детей убегали в лес. Ей показалось, что мальчик и девочка. Говорит, они все видели. Радж с приятелем пошли за ними.

– Гримстоунский лес?

– Да.

– Когда?

– Примерно двадцать минут назад.

По рукам побежали мурашки.

Дело Харт преодолело ненадежную стену, которую она возвела в своем сознании, переплетаясь со словами Кросса, как колючая проволока.

«Двое пропавших детей. Господь милосердный».

Перлайн выбралась из кровати. От злости сводило скулы; страх лишал сил.

– Кросс, буду через десять минут, – сказала она сквозь зубы.

Она завершила разговор и быстро обзвонила криминалиста Филиппа Верна и детективов Диббса, Филдинг, Хилла и Каспа – свой убойный отдел. Под конец вызвала дополнительных полицейских из близлежащих районов. Чем больше ног на земле и глаз на улицах и среди деревьев, тем лучше.

Перлайн жила не далеко от Догвуд-стрит, поэтому натянула голубую блузку и серые брюки и завязала свои платиново-белые волосы в пучок. На макияж не было времени. На еду тоже.

Она ехала к месту преступления на высокой скорости, безуспешно пытаясь не думать об Изабель Харт. Если она снова провалится, на ее совести будет не один, а трое пропавших детей. Разрушенные жизни не одной, а двух семей.

Перлайн мчалась вверх по Мэйпл-хилл к Догвуд-стрит, терзаемая воспоминаниями, которые хотела бы забыть.

Четыре года назад семилетняя Изабель Харт, хорошенькая девочка с рыжими волосами и кожей почти такой же белой, как у нее, выгуливала своего миниатюрного шнауцера в поле за домом. Мать девочки, Фэй Харт, полола сад, а ее бойфренд смотрел футбол в гостиной. Выгуливать собаку в субботу днем было обычным для Изабель. Она делала это с шести лет, что было частью проблемы. Привычки облегчают жизнь злодеям. Только когда собака вернулась домой без Изабель, Фэй Харт поняла, что дочь пропала.

В то время, много месяцев после и каждый год в день исчезновения Изабель пресса срывалась с цепи, и вполне справедливо. Население бомбардировали фотографиями Изабель. Появлялись так называемые свидетели, но оказывались либо охотниками за славой, либо ошибались, и все версии заходили в тупик.

Перлайн получила свои ужасные пятнадцать минут славы, спокойная перед камерами, но идущая ко дну внутри. Она работала неустанно, отказываясь от других аспектов жизни, день за днем и ночь за ночью посвящая делу, но через год все зацепки иссякли, и она была вынуждена смириться с тем, что для Изабель не будет сказочного конца. Она пропала, вероятнее всего мертва. Не было оснований надеяться, что откроются новые обстоятельства, поэтому дело перешло в нераскрытые, подвергаясь ежегодному рассмотрению, а Изабель Харт оставалась пропавшей.

Перлайн подвела ее. Она поморщилась. Она слышала голос отца, последующую жестокую расправу. Шарахнувшись от воспоминаний, она прикусывала щеку изнутри, пока между зубов не остался кусочек плоти.

Она переключилась с преступлений, связанных с пропажей людей, на особо тяжкие, но не позволит себе забыть.

Еще двое детей пропали. Для ошибки нет места. Пришло время работать с максимальной отдачей. Неудача немыслима.

Вздрогнув, она повернула «хонду» на Догвуд-стрит и затормозила в нескольких ярдах от ленты.

Глава 15

Любовь

11 лет

сентябрь 1992 года

С темнеющего неба хлынул дождь. Любовь убрала вестник в карман передника и подняла глаза к фиолетовым тучам. Краем глаза она уловила какое-то движение и вздрогнула от удивления. В дверь их фургона стучался Дядюшка Спаситель. Он редко приходил в гости. На плече у него висел дробовик. Должно быть, опять охотился. Дядюшка Спаситель блестящий охотник. Он великолепен

во всем.

Любовь встала и поспешила к нему. Курицы бросились врассыпную с ее пути, спасаясь от внезапного потопа в курятнике.

К тому времени, как она проскользнула в тепло фургона, Любовь промокла до нитки и дрожала.

Торопясь выразить свой восторг по поводу нововведения в церемонии рождения, она открыла рот, чтобы высказать все свои положительные мысли, но внезапно остановилась. Дядюшка Спаситель навис над мамой. Он стоял очень близко к ней, положив руку на ствол дробовика. Мама хмуро смотрела на него снизу вверх, скрестив руки на груди. Спиной она прижималась к кухонной столешнице. Это навело Любовь на мысли о слабом, напуганном олене, на которого только что охотился дядя.

Не отводя взгляда от Дядюшки Спасителя, мама сказала:

– Любовь, пожалуйста, иди к себе в комнату. Нам с Дядюшкой Спасителем надо поговорить.

– Но я…

– Быстро.

Любовь сердито глянула на маму, после чего вышла из крохотной кухни и потопала в спальню, которую делила со Смирением. Она сразу же прижалась ухом к отклеившимся обоям. Стены в маленьком фургоне были тонкими, как бумага, так что она слышала каждое слово.

– Ты изменилась, Милость, – тихо сказал Дядюшка Спаситель. – Раньше ты была такой веселой и открытой, такой поддерживающей. Было время, когда ты была очень высокого мнения обо мне и моих мечтах для общины. Ты доверяла мне. Я доверял тебе. Я думал, что до сих пор могу, но теперь…

– Мне жаль, Спаситель, но это новое направление кажется, ну… ты знаешь, что я думаю.

– Но ты же сама видела улучшения. Я здоровее. Чище. Я никогда не чувствовал себя бодрее. Мне это нужно – нам всем нужно. Нужно, чтобы достичь полного просветления. И никто же не пострадает…

– Извини, но я не согласна. Я хочу верить. Правда. Каждый день я пытаюсь быть максимально открытой, но это… это неправильно.

Наступило долгое, каменное молчание. Дождь барабанил по фургону. Любовь думала над их словами, над их смыслом. В груди забился стыд; мама такая неблагодарная, такая недобрая, такая эгоистка. После всего, что Дядюшка Спаситель сделал для них, как она может идти против него – Любовь не понимала. Он совершенный, самый чистый человек на земле.

От гнева она впилась ногтями в ладони, борясь с желанием вылететь из комнаты и крикнуть маме, чтобы она просила прощения и изменила свое глупое мнение.

Стиснув зубы, Любовь прижалась головой к холодному стеклу и смотрела, как дождь льет с серого неба, превращая землю в жидкую грязь. На мгновение она пожелала, чтобы дождь превратил маму в грязь, преподал ей урок. Нет ничего гнуснее, чем предать доверие Дядюшки Спасителя. Ничего.

Наконец тихим, напряженным голосом дядя сказал:

– Тогда боюсь, каждый останется при своем мнении, сестра.

Дверь фургона скрипнула. И через секунду захлопнулась. Фургон тряхнуло.

Любовь поморщилась. Сквозь стену она прожигала мать взглядом, ей хотелось пойти за Дядюшкой Спасителем и утешить его, но сейчас не время. На новой церемонии рождения она выразит свои чувства радостной улыбкой и сосредоточенным вниманием. Она мало что может сделать с маминими странными ответами, но может показать Дядюшке Спасителю, что она совсем не такая. Она сильная и преданная. Ей только одиннадцать лет, но понимает она на порядок больше мамы. Она никогда не предаст его, как сделала его сестра.

Глава 16

Перлайн

Наши дни

Ранним утром было еще темно, но уличные фонари и лампы для освещения места преступления превратили Догвуд-стрит в сверхъестественную смесь яркого света и кромешной тьмы. Полицейские общественной поддержки оцепили территорию перед домом Раджа и охраняли место преступления. Криминалист Харрисон фотографировал тело, а старший эксперт-криминалист Верн делал заметки. За стенами из бежевого кирпича не гремела музыка; внутри коллеги Перлайн записывали имена. Теперь каждый в этом доме подозреваемый или свидетель того, что очень похоже на убийство.

Перлайн внимательно осмотрела улицу. Четыре полицейских машины с синими мигалками припарковались дальше и выглядели блестящими новенькими игрушками по сравнению с раздолбанными машинами Догвуд-стрит. Из-за подрагивающих занавесок выглядывали соседи, одинокий уличный фонарь мигал, словно вот-вот погаснет. В воздухе висел густой, не такой уж невинный аромат марихуаны. Полицейские в форме стучались в двери и опрашивали жителей, интересуясь, не спали ли они и видели ли что-нибудь? Полиция наводнила район; восемь человек искали детей в лесу.

Перлайн нахмурилась. Ноги так и зудели. Ей не терпелось присоединиться к поискам, но ее первоочередная задача состоит в другом. Она еще раз осмотрела место преступления. На вид все в порядке, но ей надо сформулировать оперативные версии для расследования.

К ней подошел Диббс, эбеновый лоб пересекали тревожные морщины. От его присутствия в груди полегчало. Молнией мелькнуло и тут же пропало желание оказаться в его объятиях, электризующее, но неподобающее ни теперь, ни когда-либо.

– Ты в порядке? – нахмурился он. – Выглядишь не слишком хорошо.

– Все хорошо. Спасибо.

Перлайн мельком взглянула в сторону голубой «Киа Соул», припаркованной возле дома Раджа, но потом присмотрелась повнимательнее: на тротуаре, в ярде или около того от машины лежал маленький тапочек. Детский. Не отводя глаз, она приложила горячую ладонь к животу. Взглянула на Диббса. Его лицо побледнело. Он тоже увидел.

Верн нырнул под ленту и подскочил к ним. Вытер лоб ладонью и бросил взгляд на тапочек.

– О, вы увидели. Хорошо.

Он отвел взгляд от мягкого розового единорога и показал на тело на дороге.

«Боже». Мужчину забили до смерти. Его тело было искорежено, рот застыл в жестокой улыбке. Открытые глаза смотрели в пустоту; белки испещрила паутина лопнувших капилляров, кожа вокруг глазниц опухла, напоминая фаршированные цветки цуккини. Капли крови на футболке походили на красное конфетти.

Перлайн продолжала смотреть, стараясь выглядеть бесстрастной и отстраненной, но горло жгла желчь. В своей жизни она видела избитые тела, но так и не выработала невосприимчивость. Да и никто не выработает, если он не социопат. Единственный способ справиться – отправить ужас на мысленную свалку и стараться давить его, как только вылезает. Конечно, сказать легче, чем сделать. Иногда по ночам в голове крутилась кровавая карусель образов, и единственным способом ее остановить было включить ночник и гуглить фотографии щеночков.

– Я вызвал кое-кого из лаборатории приехать проанализировать брызги крови, – сказал Верн, странно глядя на нее.

– Есть при нем документы?

Верн передал ей водительские права в пакете. Имя гласило «Бретт Керби». Фотография соответствовала мертвому человеку на земле.

– Хорошо. Есть признаки использования оружия?

Верн покачал головой. Влажная прядь упала на его покрасневшие глаза.

– Нет. Видишь? Эти следы явно указывают на повреждения от ударов. Этого человека очень сильно избили. Неясно, что стало причиной смерти, перенесенные побои или удар головой при падении.

Под головой мужчины образовалась лужа крови, казавшаяся на бетоне черной. Перлайн почувствовала подступающую тошноту.

– Следы сопротивления?

– Множество. Он активно отбивался, но я думаю, был в меньшинстве против двоих или больше.

– Почему так?

Верн показал на маленький треугольный след на правом виске мертвого мужчины.

– Похоже на отпечаток кольца, указывает на одного преступника. Видишь тут? – Верн показал на ссадину на правой стороне рта мужчины. – Если нападавший не снял кольцо, чтобы нанести еще один удар, подозреваю, эту ссадину нанес второй человек.

– Это совпадает с показаниями Кристал Радж, – сказала Перлайн.

Диббс кивнул:

– Кросс сказал, что она видела, как Радж и еще один бежали за двумя детьми.

Перлайн вытерла лоб рукавом.

– Что-нибудь еще?

Верн мрачно улыбнулся:

– Боюсь, нет.

Диббс потер челюсть. Его глаза выдавали страх, тот самый, который испытывала сама Перлайн. Страх за совершенно невинных. За детей. Возможно, страх того, что она не годится для этого дела.

– Можешь понаблюдать здесь?

Диббс кивнул и насупился на нее.

– Ты уверена, что в порядке?

Она обсуждала с ним дело Харт. Он предложил терапию, и она сорвалась на него. И тем не менее ее сердце забилось быстрее от ласковой заботы в его взгляде. Его обеспокоенность против воли тронула ее и вселила страх, что он прав. Она сегодня комок нервов. Диббс видит трещины в ее фасаде. В этом-то и заключается проблема с ним: он слишком проницателен. Он слишком хорошо ее понимает.

Перлайн выпрямила спину, осмотрелась вокруг, надеясь, что остальным не так очевидны ее затруднения.

– Я в порядке, спасибо.

Он еще секунду удерживал ее взгляд, пристально и понимающе всматриваясь в ее глаза.

– Дай знать, если я тебе понадоблюсь.

Она кивнула, желая – всего на секунду – открыться, но сдержалась. Это не принесет ничего хорошего. Если она сейчас признается в своих страхах, то скорее всего сломается. А когда пропали двое детей и у ее ног лежит мертвый человек, это не вариант.

Диббс внимательно посмотрел на нее, потом присоединился к Верну.

С тяжелым сердцем Перлайн обратила внимание на криминалиста Харрисона, фотографа. Она взяла себе за правило получить как можно больше информации о роли каждого, кто принимает участие в осмотре места преступления. Общаясь с коллегами и прочитав все, что могла, она приобрела глубокое понимание фундаментальной роли каждого человека. Перлайн было необходимо чувствовать, что она контролирует расследование. Точное знание того, что должен делать каждый участник, когда и как он должен это делать, также значило, что она могла быстро заметить нестыковки, некомпетентность или ошибки. К сожалению, ошибки, вызванные человеческим фактором, встречались гораздо чаще, чем следовало бы. Иногда ей становилось больно от досады на чужие ошибки.

Она несколько минут наблюдала за Харрисоном. Он перешел от общих снимков к крупным планам отдельных вещдоков. Как и положено, он использовал штатив и профессиональный свет, чтобы добиться оптимальной детализации и четкости. Эти снимки, в частности, помогут криминалистической лаборатории анализировать улики. Если этот мужчина правильно выполнит свою работу, в фотоотчет войдут сведения о каждой фотографии, включая ее номер, описание и расположение предмета или места, время и дату, когда сделан снимок, и любые подробности, которые могут иметь значение. Полнота и точность фотоотчета принципиально важны: без него фотографии с места преступления потеряют свою пользу. Но бывает, случаются ошибки, подробности теряются. Во время расследования убийства Кеннеди фотографы ФБР не сделали описания своих снимков. В результате позже следователи не смогли отличить входные и выходные отверстия от пуль, а это критически важный фактор в определении местоположения стрелка. Человеческая ошибка, ни больше ни меньше. Перлайн такого не терпела, и все-таки понимала, что совершенство невозможно. Непогрешимых не бывает. Ошибаются все, включая ее. Даже побои в детстве не излечили ее от этого. Она часто прокручивала в голове дело Харт, гадая, не пропустила ли что-нибудь, не ошиблась ли где-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Молочная Воровка – прозвище Маргарет Тэтчер, которая, занимая пост министра образования, урезала государственные субсидии на образование и даже ввела плату за молоко, которое раньше школьникам наливали бесплатно.

2

Тиннит (от лат. tinnire, которое означает «позвякивать или звенеть, как колокольчик») – звон или шум в ушах без внешнего акустического стимула.

Купить: https://tellnovel.com/ru/devis_ebbi/kul-t

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить